

ЗАРАЗА 3

The cover art depicts a man with short brown hair, wearing a yellow t-shirt and a green tactical vest, looking to the left. He is holding a handgun. In the background, a glowing green cross symbol is visible, with several pale, zombie-like hands reaching out from the right side towards it. The setting appears to be a dark, industrial or laboratory-like environment.

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕВГЕНИЙ ГАРЦЕВИЧ

Евгений Александрович Гарцевич
Зараза 3: Королева
Серия «Зараза», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68531347

SelfPub; 2023

Аннотация

Эпидемия в Сьерра-Леоне не утихает, количество зараженных растет с каждым днем. Спасти город уже нельзя, но есть шанс остановить заразу и уничтожить первоисточник. Если, конечно, уже не слишком поздно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	73
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Евгений Гарцевич

Зараза 3: Королева

Глава 1

“Убееееей...”

“Андрюша, вставай! Все лето проспичь, я оладушки приготовила и какао уже остывает...”

“Космос, прием! Эвакуация накрылась, засядем в ЖД музее пока. Прием? Слышишь? Да, блять... Не слышит он уже ни хера, а если и слышит, то не понимает...”

“Рваааать, уууубиииваааать...”

“А снится нам трава, трава у дома, зеленая, зеленая трава...”

“Дрон, погнали на речку, там городские наших бьют, надо вписаться...”

“Гооолоод...”

“Андре, эксперименты Альберта ужасны, но это прорыв. Здоровый человек мутирует, но в зараженном мутирует уже сам паразит, блокируется и не может развиваться. Я знаю, ты еще меня слышишь, сделай укол...”

“Что русский, не сыграла твоя ставка? Думал, флеш рояль соберешь, но не та карта выпала, ха-ха-ха...”

“Братик, братик! Ну ты чего удумал, а? Ты же меня зна-

ешь, я без тебя не уеду. Что я родителям скажу...”

“А! Гагарин! Опять в больничку? Ты ранения притягиваешь что ли...”

“Кофмоф, профыпайфя, фопа ты ленифая...”

Бред, галлюцинации, воспоминания и страх.

Размытыми, будто в туманном сне, мелькали силуэты и ситуации. Что-то, например, как я провожу лето у бабушки, и она готовит на завтрак оладушки и какао, я видел со стороны. Видел себя, бабушку, чувствовал вкус того самого какао. А еще мягкие, чуть обуглившиеся по краям, тонкие лепестки жареной картошки – попытки самостоятельно сделать внуку чипсы, чтобы я не ел всякую химозную дрянь. А я не хотел вставать, отворачивался от бабушки, пряча фингал под глазом, потому что вечером нам с парнями здорово досталось от городских.

Меня мутило. Укачивало от других образов в виде летающих надо много говорящих голов. Дуглас хохотал, сестра с Астрид чуть не плакали, а Леха с Вадиком будто хоронили меня. Хотя почему будто?

Я барахтался в этом киселе образов, то выплывая на поверхность, то уходя на глубину. Каждый раз, когда всплывал видел расплывчатые лица аборигенов, с забитыми татуировками лицами, слышал заунывное пение на каком-то из местных наречий.

Когда тонул, просыпалась злость. Ярость и раздражение,

я приносивался и чувствовал запах потных и немывтых тел, но таких живых. Почему-то меня это бесило. Хотелось дотянуться, схватить за горло, притянуть к себе и впиться зубами или хотя бы просто свернуть шею. Лишь бы они заткнулись, лишь бы прекратили обкуривать меня едким вонючим дымом и петь свои песни.

Но тело не слушалось. Я не чувствовал рук и ног, только ноющую боль, будто кости заживают после перелома. А еще все чесалось. Резко и жгуче, и невозможность почесаться, расчесать все до кровавых пузырей, бесила еще больше.

Я не знаю, сколько это продолжалось. В какие-то моменты я понимал, хоть и не сразу, что меня кормят. Не свежим мясом, как иногда хотелось, но какой-то жидкой теплой похлебкой. Чувствовал, что со мной что-то делают. Что-то странное и не очень хорошее, но боли я не чувствовал, пробовал рычать, скалиться, ругался на всех известных мне языках. Не производил никакого эффекта и без сил уплывал на глубину. Так что даже не понимал во сне это или наяву все происходит.

А когда проснулся, то первое, что испытал – это был страх. Так страшно мне было только два раза. Первый раз еще в школе, когда парни предложили пыхнуть клеем “Моментом” в девятом классе. А второй раз уже во взрослом возрасте на приеме у нестандартного врача, когда лечил первое ранение и пред приемом решил “перезагрузить” меня. То есть попросту придушил, вызвав кислородное голодание

с потерей сознания.

Тут не важно, как я отключался. Важно то, как возвращался. Оба раза было четкое, даже резкое, осознание, что вся моя прошлая жизнь была сном. А теперь проснулся я настоящий, который вообще понятие не имеет кто он такой. Потеря себя, потеря контроля, дезориентация в пространстве и времени – мой самый нелюбимый панический коктейль.

И вот сейчас, в момент прояснения сознания, я словил этот страх. А потом и паническую атаку, осознав, что тело меня не слушается. Я лежу в какой-то пещере, освещенной факелом, а перед глазами сморщенное, как изюм, черное лицо с белыми татуировками на лице. Старик кривляется, прикусил губу так, что виден пожелтевший зуб, и тянет руку с какой-то иглой к моему лицу.

Я даже закричать не смог, губы не слушались, промычал только, еле двигая головой, что-то похожее на: “Инннн-на...Иннннна...отсюда, черт!”.

Но старику на мои потуги было наплевать. Во взгляде только недовольство, он помахал иглой с чем-то белым на конце перед моим носом, будто примериваясь мне в правую щеку и разочарованно вздохнул. Обернулся и крикнул что-то на непонятном мне языке.

К нам подбежали два мужчины и одна девушка. Все местные, все камаджоры. Старик кивнул на меня мужикам, а девушке дал какую-то команду, и она сразу же скрылась в темноте пещеры.

Объяснять мне никто ничего не стал. Старик прокудахтал что-то, а мужики обступили меня с разных сторон. Один прижал мои руки к жесткой лежанке, а второй обхватил мой лоб, крепко зафиксировав голову. Старик удовлетворенно кивнул, высунул кончик языка и, замахнувшись иглой, стал целиться мне в район правого глаза.

Психануть я не успел, хотя руки, ноги и голову можно было и не держать, я их так и не чувствовал. За спиной у старика появилось знакомое лицо – Дедушка Лу.

Хипстерские очки, аккуратно подстриженная седая борода, воротничок рубашки – он настолько неестественно смотрелся в этой земляной яме, что опять засомневался, не очередной ли это кошмар.

– Андрей, мы так рады, что ты, наконец, очнулся, – с теплой улыбкой произнес Дедушка Лу и отодвинул от меня руку старика с иглой, – Потерпи немного и не волнуйся, мы пытаемся защитить тебя от заразы, которая проникла в твоё тело.

– Инннаа, инннааа... – только и смог простонать я.

– Я не Инна и я знаю эту шутку, – Лу засмеялся. – Я понимаю, что у тебя нет повода мне верить, но если бы мы хотели тебе причинить вред, то зачем уже неделю с тобой возимся?

– Неде...?

– Восьмой день, если быть точнее, – Дедушка Лу посмотрел на часы. – Наши самые сильные колдуны пытаются остановить то зло, что сидит в тебе. Потерпи, осталось немного.

И я потерпел. Точнее опять отключился. Игла показалась раскаленной, и если сначала чувство было, будто челюсть от заморозки после зубного оттаивает, то потом так полыхнуло щеку, будто меня сваркой насквозь прожгли.

* * *

Через сколько я проснулся понять не смог. Все тот же низкий земляной потолок, чадит факел, в глубине еще несколько. Катакомбы, пещера или яма – не смог подобрать правильное название, но ясно только то, что я под землей.

Я лежу на жестком длинном камне с плетеной подстилкой. По бокам выбивается какой-то красочный орнамент с бахромой. Смог повернуть голову и разглядел в углу каменную тумбу, заставленную всяким мусором. Чашечки, свечи, на всем этом гора каких-то ракушек или орехов – мелкие, грязные камушки. Метрах в пяти от меня кто-то сладко сопел, вроде бы девушка, может даже та самая, что привела Дедушку Лу.

Я прислушался к своему телу. Не умею медитировать и энергию «ци» по телу пускать, или что там колдуны делают, но мысленно запустил сканер. От глаз, моргать я мог, до кончиков пальцев ног и обратно с заходом на руки.

Целый. Все болит, как после хорошего спарринга, но все

на месте. Даже пошевелить получилось и поднять голову.

Это капец.

Ну хоть не голый, босиком только.

А вот там, где голый – укушенная рука, от кулака до обтрепанного рукава футболки сплошь была покрыта белым орнаментом татуировки. Узоры прямо светились на покрасневшей коже. Я посмотрел на место укуса, но там был какой-то компресс из земли, мха и листьев. Все пережевано в однородную кашу и прикрыто марлей.

Медленно поднял руку. Тяжело, будто в ладони зажата гантеля килограммов на тридцать, в суставе что-то щелкнуло, но я все-таки поднес руку к лицу и потрогал щеку. На ощупь тоже какой-то узор, две полоски так точно. Но не похоже на татушку, те гладкие, а здесь будто шрамирование или что-то под кожей. Хотя, может, и просто опухоль. Татуировка у меня есть, набил как-то по пьяни, но вот такой опухоли не помню.

Попробовал встать.

И не смог.

Только слегка приподнялся с постели и рухнул обратно, разбудив девушку. Она встрепенулась, испуганно посмотрела на меня и, шлепая босыми пятками по полу, убежала.

Ладно, подождем. Действительно, пока не убили, наоборот, татухи бьют. Может, теперь я точно супергероем стану. Буду как Жан-Клод Ван Дамм – этакий двойной удар – и стимулятором закинулся и татушки колдовские набил. Фиг

с ним, с этим супергеройством, паразита бы выгнать из организма. Но раз восемь дней прошло, а я все еще не кусаюсь, то значит сработало? Понять бы еще как именно.

Я опять запустил сканер, только на этот раз слушал свои мысли и ощущения. Голод чувствую, но такой обычный, когда долго постишься, а сейчас хочется чего-то остренького и соленого. Пусть и те же самые чипсы. Мммм, сдобная мягкая булочка тоже бы зашла. Но убивать за нее пока не готов.

Помимо того, что тело стало будто тяжелее, с локтями что-то не то и с костяшками пальцев. Будто уплотнилось все, не так чтобы наросты или когти, как у мутантов выросли, но явно теперь удар жестче будет. Если руки, конечно, поднять смогу.

– Эй, мать драконов? – я тихонечко позвал в темноту, – Зовешь меня, коза? Нет? А я ведь приду.

Мне никто не ответил. Я так и этак повертел головой, пытаюсь понять, слышу ли я какие-нибудь отголоски зова или присутствие чужого сознания. Тишина. Вода только где-то капает, а еще приближаются шаги. Фух, пронесло!

Я еще раз попробовал встать. Сделал рывок, но тут же со стоном откинулся обратно. И в собственном стоне услышал едва различимое: «Убееееей...»

– Убей себя об стену, дура! – я зарычал, понимая, что дей-

ствительно готов сейчас убить кого-нибудь.

– С кем ты разговариваешь? – подошел Дедушка Лу, – Ты слышишь зов?

– Померещилось что-то, – я ответил неохотно, а то прирежут еще от греха подальше.

– Борись с ним, – участливо и, на мой взгляд, вполне искренне, сказал Дедушка Лу, – Тебе повезло, что выжил. Мы поздно тебя нашли, а ты и зло смог побороть, не обратился, и с нашей магией справился. Старики говорили, что это тебя добьет, но я настоял. Боги увидели тебя и дали шанс. Так что борись.

– Что? С моей сестрой? – говорить получалось плохо, будто заново привыкал и к собственному голосу и, вообще, возможности нормально двигать губами.

– Хм, я не знаю. Ты спас ее?

– Они уехали... а я ушел, – думать и строить фразы тоже оказалось тяжело, либо не понимал, что сказать дальше, либо забывал, с чего начал, – Где? Вы меня нашли?

– Али нашел тебя в паре километров от исследовательского центра «Глобал Корп», – Дедушка Лу развел руками, – Уничтоженного злом центра. Они привлекли внимание Шекхед, и та пришла забрать своих детей.

– Кого?

– У нее много имен, но я не смогу правильно произнести это по-русски. – Дедушка Лу пробормотал что-то с таким количеством шипящих звуков, что Вадик бы заплакал, я так

и не уловил ничего, будто наждачкой по ушам провели. – Шекхед, наиболее близко и понятно по звучанию.

– Шекхед, – я повторил имя, но тут же заткнулся, не дай бог, услышит.

– Ты голоден?

– Очень, – я принюхался, радуясь, что начал чувствовать запахи, но сморщился от вони собственного тела, – И мыться.

– Тогда вставай, надо разминаться. Но все вернется, – Лу протянул мне руку, – Главное, побороть зов.

Пещера оказалась довольно большой и обжитой. Мы прошли несколько залов и везде натыкались на спящих людей. Кто-то просто лежал на подстилках или гряде тряпья, а чей-то храп и сопение раздавались из-под самодельных простейших навесов. Палка, палка, огуречик, вот и вышла одностенная палатка с человечком, накрытая тонким выцветшим одеялом.

Все вокруг, за исключением сумок, выглядит древним. Этакие катакомбы, где надо работать археологам, а не прятаться, как в бомбоубежище, десяткам людей.

Мы прошли ряд военных деревянных ящиков, один был открыт, и я разглядел абы как сваленные «мосинки». Потом пришлось обходить бочки с водой и груды совсем уж современных ярких спортивных сумок. На стенах символы, схожие с моей новой татуировкой. В самом большом помеще-

нии каменный очаг с закопченным потолком, в котором сейчас еле тлели угли, еще один алтарь с горящей свечой и тушкой обезглавленной курицы со связанными лапами. Я нервно сглотнул при виде крови, боясь, что что-нибудь не то едят, но перед глазами возник только образ полезной низкокалорийной вареной грудки. Хотя это все равно было странно, лучше уж цыпленка табака или курицу гриль, в пропитавшемся соком, лаваше.

Я так громко шаркал и вздыхал, медленно передвигая ноги, что разбудил несколько человек, а где-то заплакал ребенок. Но стоило недовольной голове повернуться в нашу сторону, сверкнуть татуированной морде и открыть рот, чтобы наругать, как вперед выступал Дедушка Лу и парой тихих слов гасил конфликт в зародыше.

Я вздрагивал от малейшего звука, пока еще странно выдававшихся в ушах – то громко, будто за спиной кто-то стоит, то тихо, будто эхо побегало по пещере. Зрение тоже выкидывало мерцающие кренделя да оптические эффекты. Зацепишь случайно взглядом огонь, и перед глазами встает красная пелена. Развивается со временем, испаряясь неровными кругами, и на мгновение ухнет в черноту.

Мда, организм сбоил.

Остается только верить Дедушке Лу, что это поправимо. Или не верить, надо лишь только выбраться на воздух, поесть чего-нибудь человеческого, умыться, одолжить «мосинку» у камаджоров. Своих вещей я пока не видел, ни рюкзака

ка, ни томагавка, ни трофейного «калаша». Закинуться каким-нибудь энергетиком, вот ни враз не поверю, что у колдунов нет никакой запрещенки. Вернуться к лагерю «глобалов» и забрать байк.

А потом гнать в ЖД музей, чтобы разобраться: привиделся мне Леха или действительно эвакуация накрылась? Вообще, было бы неплохо понять, что было явью, а что бредом. Понять, как на меня подействовал стимулятор, зашлифованный татуировкой.

Но как ни старался, не смог нормально построить фразу, чтобы вопрос задать. А на все мои потуги и заикания Дедушка Лу лишь махал рукой и повторял: «Потерпи, это скоро пройдет. Тебе нужно набраться сил».

Он вывел меня на улицу, практически втянув по ступенькам в узкий лаз, и подтолкнул на свежий воздух.

О, это был оргазм!

Первый вдох – сладкий и холодный пробежался по легким и дальше (это, похоже, уже опять видение) побежал по каждой клеточке организма, обогащая его кислородом.

От шороха утреннего леса заложило уши, настолько громким он показался. Я стал разминать челюсть, как учат в самолетах, постепенно вылавливая каждый отдельный шорох. Вот трещит костерок, шепчутся камаджоры, вот кто-то проскочил по ветке, сбив с нее листик, где-то далеко крадется маленький зверек, а за спиной пролетела птица.

От накативших волн резкого запаха меня скрутило. Буд-

то я не в рассветном лесу, пусть и африканском, а в гребанном «летуале» выбираю подарок бывшей на Восьмое марта в толпе таких очумелых нюхачей.

Как и со зрением от абсолютной зоркости и четкости, тоже происходило со слухом и обонянием. То суперлокатор, а не мозг, а то деревянный манекен, завернутый в вату. И вот это туда-сюда меня уже начинало подбешивать.

Видя, что я совсем растерялся и, лишь кривляясь, верчу головой, дедушка Лу повел меня дальше. К костру, возле которого сидело два камаджора. Они подвинулись, уступая поваленное гладкое дерево и пустили к огню, на котором что-то варили в котелке.

Как только мне протянули деревянную миску, я сразу же набросился на еду.

– Стой, горячее же! – испуганно дернулся Дедушка Лу, а я лишь непонимающе уставился на него и продолжил хлебать ложкой.

– Где мы? Мне надо к сестре... – я протянул пустую плоскую камаджорам и махнул рукой, чтобы дали добавку, – В какую сторону исследовательский центр? Я не могу сориентироваться, все совсем незнакомое.

– Как бы тебе сказать? – замялся Дедушка Лу и неопределенно махнул мне за спину, – Во Фритауне слишком опасно. Мы увезли тебя в один из наших тайных лагерей. Это другой лес. Восточная провинция. Мы недалеко от алмазного при-

иска Койду Лимитед. С другой стороны городка Сефаду.

– Да пофиг. – вкуса того, что я ел, я не чувствовал, и если горы еще не был готов свернуть, то желание размяться уже пробивалось, – В ту сторону идти?

– Да, но...

Своими недомолвками Дедушка Лу уже начинал надоедать, жаль, только я не понимал, кто или что во мне начинает беситься. Наверное, он что-то прочитал в моем взгляде и инстинктивно отодвинулся подальше.

– Но, до Фритауна больше двухсот пятидесяти километров... – наконец произнес старик и отодвинулся еще дальше.

– Блять... – с выдохом ушла и злость, настроение скакало от радости, что вкусно поел до легкой досады, что придется прогуляться. – Ладно. А где мои вещи? Рюкзак, оружие, обувь в конце концов?

– Обувь в кладовке. А вот ни рюкзака, ни оружия с тобой не было, когда мы тебя подобрали.

– Как это? А алмаз? Вы нашли алмаз? В рюкзаке, в кармашке был?

– Так ты его нашел? – удивленно спросил Лу и с трясущимися руками подскочил ко мне.

– Ну да, он в рюкзаке был. Точно не нашли? Может, рядом где-то упал или я отползти успел?

– Нет. Али все обыскал вокруг, только ты с пустыми кар-

манами, – задумался Дедушка Лу, – Только карта игральная
была, крестовая двойка.

Глава 2

Следующие три дня я опять спал. И ел. Мучился неизвестностью, ругая воображение за те картинки, что рисовались про сестру, Астрид и парней и медитируя, что они уже где-то близко к дому и у них все хорошо. Гулял вокруг лагеря, пока безуспешно пытаюсь разобраться в видениях, воспоминаниях и реальности. Каждый день увеличивал километраж и пытался участвовать в тренировках, которые регулярно устраивали камаджоры, чтобы тренировать свою малышню.

Их учили драться – какой-то древний аборигенский стиль больше похожий на танец и заточенный на работу с длинной острой палкой из темного дерева. Основная цель – проткнуть противника, причем желательно в голову, при этом не дать себя схватить. Прямо отработка ликвидации ходячих, и гибкая вертлявая школота выделявала такие кульбиты перед деревянными манекенами, что крылатая фраза: «порхай, как бабочка, жаль, как пчела» приобретала вполне реальный смысл. Манекены по конструкции напоминали китайские вин-чуны, только торчащие штыри длиннее и больше механизмов, чтобы махать крючковатыми конечностями.

Я в такие игры не играл. Хватало пары-тройки приседаний и начинала кружиться голова. А после попытки отжаться, я, как правило, засыпал прямо на земле, отползая, чтобы

на меня не наступили.

Постепенно тело начинало слушаться и, несмотря на то, что я прибавил несколько килограмм, становилось легче его контролировать. Процентом девяносто времени. Остальные десять, причем это случалось совершенно неожиданно. Я не контролировал ничего. Мог просто идти и рухнуть от прострелившей ногу судороги, мог спокойно сидеть, а потом встать и пошатнуться. Так бывает иногда во время пьянки, пока сидишь, кажется, что все ты в полном порядке, а стоит подняться, так все плывет, и лицо летит навстречу полу.

Также фигня творилась со всем. То ослепну на мгновение, то оглохну, один раз даже штаны обмочил. Неудобно было капец как, особенно от заботливых и всепонимающих взглядов камаджоров. Мол, не ссы, дело житейское, все через это прошли. Но я даже сквозь жуткий и корявый говор креольского понял, что это сарказм. Моментально в голове раздался далекий шепоток с призывом не скрывать своих желаний и прибить кого-нибудь.

Шепот стал частым гостем. Чаще всего приходил во сне, провоцируя на всякие мерзости. Я старался игнорировать, но довольно быстро срывался, сквозь сон знакомя Шекхед с богатым и могучим русским матом. Но она возвращалась, а вот камаджоры вежливо отселили меня спать отдельно.

Справиться со всей этой жестью помогал Дедушка Лу и два совсем дряхлых колдуна. Первый успокаивал словом – поддерживал и обещал, что скоро станет лучше. Что кон-

троль должен вернуться, по их опыту и хитрой математике процентов на девяносто восемь точно. А колдуны продолжали поить какой-то приторной гадостью и наносить на свежие татуировки вонючую зеленую мазь. Из чего она сделана, мне не сказали, но комаров и прочую мелкую живность отгоняла на ура.

Хотелось сдать кровь на анализы, может дело вообще в ней, а не в мази, и даже москиты брезгают.

Но клиник поблизости не было. Как и лаборантов, врачей и ученых. Еще не было связи и было непонятно, пропала ли она совсем или просто место слишком глухое. Не было и транспорта. Старый мопед с небольшим кузовом, где меня везли, как мешок с картошкой, заводиться отказывался. А ни запчастей, ни знаний Вадика, у меня не было. А камаджоры лишь кривились. Пожимали плечами и задирали ноги, сверкая светлыми мозолистыми пятками.

Чего было в избытке, так это старых винтовок Мосина в разных форматах и состояниях и баек дедушки Лу про первых охотников на демонов.

Камаджоров винтовки особо не интересовали, у каждого было по одной и достаточно. И глядя, что они делают на тренировках со своими заостренными бильярдными киями, я был с ними согласен. «Мосинку» сказали брать любую, и часа за три, перебрав все ящики, я обзавелся сносным карабином образца сороковых годов, ремнем, подсумком для патронов и штыком. А вот кий-зубочистку мне не дали. Типа

не положено, да и сырья нет.

Дедушка Лу рассказал, что копье готовят заранее к рождению будущего охотника и хоронят вместе с ним, когда приходит время. Взять в руки чужое – самое страшное оскорбление, которое можно нанести охотнику.

Технологию создания я проспал, как раз в этот момент выключило, запомнил только, что это долго и геморно, и дерево там какое-то особенное. Типа железного, которое они называют – бонгосси, и найти его не так уж и легко, тем более теперь.

– А если сломается? – спросил я, показав на тонкий кий, лежащий возле камаджора, когда мы уселись ужинать.

– Как это? – Дедушка Лу поперхнулся, – Бонгосси нельзя сломать! Там особое дерево, особая обработка, наговоры сильнейших колдунов.

– А...ну тогда, конечно, – я подложил себе добавки и стал дуть на еду, только-только прошли ожоги неба и языка, боль от которых пришла не сразу.

– Не смейся, – вздохнул Лу, будто собирался прочитать лекцию маленькому ребенку, – Ты можешь не верить, это нормально.

– Я хочу верить. Честно, – я махнул рукой в предполагаемую сторону Фритауна, – Но не могу понять, как вот это там все связано с обычным алмазом.

– А кто сказал, что он обычный?

– Понятное дело, что магический.

– Вот опять ты за свое. Подожди спорить, я постараюсь объяснить так, чтобы ты понял, – Лу задумался, – Так, как это понимаю я.

И он рассказал. Медленно и терпеливо, повторяя те моменты, на которых я выключался.

Дело было не столько в алмазе. Это не был какой-то там магический уничтожитель всего и вся. Это был замок и сразу же ключ.

По версии Дедушки Лу, а его версия годами передавалась предками из уст в уста и, скорее всего, видоизменялась и обросла дополнительными мифами и байками, первые камаджоры не смогли полностью уничтожить источник заразы. Но смогли заблокировать глубоко под землей, сделав некое подобие гробницы. Создали там какой-то магический кувшин, а алмазом заткнули, как пробкой.

Что-то уж больно это напоминало детские сказки про джиннов и пещеру Алладина, но я сдержался.

– Ну, допустим, не понимаю, но приму, – я постарался сделать максимально серьезный голос. – Но какой смысл тащить алмаз обратно, если зараза уже расползлась по всей стране?

– Так учат старейшие, – Лу разворошил угли в костре, так что в воздух взметнулись горящие искорки, зловеще так,

будто голову монстра с рогами изобразили, – Шекхед, прародительницу надо убить, потом сжечь, а прах вернуть и запечатать алмазом.

– Оукей, – вкрадчиво спросил я, – А я-то вам зачем? Чего вы со мной возитесь?

– Ну, знаешь, я хоть и старый туземец, – улыбнулся Дедушка Лу, оглядываясь, что нас никто не подслушивает, – но еще не совсем ку-ку. Мы что палками эту зверюгу запинать должны? Защекочем ее до смерти? Ну уж дудки! Мы даже не знаем, с чем там придется столкнуться.

– А что нет каких-то описаний? Наскальная живопись в конце концов? Глиняные таблички со схемами? На чем там еще в древности потомкам послания оставляли?

– Есть, но я предпочитаю в них не верить. Так спокойней для психики. Надежда хоть какая-то появляется.

– А я по-вашему ядерную бомбу должен собрать из подручных средств? – теперь уже я улыбнулся.

– Ядерную не нужно. Но технологии и способы насильственного умерщвления сильно изменились со времен, когда мои предки смогли только запереть Шекхед, а ты в этом явно больше понимаешь.

И так пафосно он это сказал, что похоже даже не шутил. А мне нужно во Фритаун, узнать, что с нашими. В идеале еще и Астрид найти, чтобы осмотрела меня и лечение какое-то назначила. Но и Шекхед надо убить, даже не ради того, что

камаджорам должен, но, чтобы зараза дальше в мир не пробралась.

– Мне нужна машина или мотоцикл, – триста километров, как говорится, бешеной собаке не крюк, но все же.

– Это только в Сефаду, – покачал головой Лу. – Но нам туда и надо. Город возле алмазных шахт “Койду Лимитед”. Это дочерняя компания «Глобал корп». А мы не знаем в какой именно шахте гробница Шекхед. Даже не знаем, где именно «Глобалы» нашли алмаз.

– А легенды, предания? Новости, пресс-релизы на худой конец?

– Предки были немногословны, – вздохнул Дедушка Лу. – В преданиях, если адаптировать на современный язык, написано, что это старая глубокая пещера с дырой почти до центра земли. Что можно интерпретировать по-разному.

– Даже как простую сказку, – пронеслась неконтролируемая волна злости, и я уже не удержался, забив на возможность ранить верования старика. – Ну, хорошо. А «глобалы»? Пресс-конференция же была?

– Они ушли от ответа. Не сказали, откуда именно алмаз. Мотивируя это коммерческой тайной и опасностью диверсий со стороны конкурентов.

– Ясно, – довольно быстро меня отпустило и даже как-то стыдно стало, что на старика голос повысил, – Идеи есть?

– Есть три, максимум четыре шахты, которые могли бы

подойти под описание. И ближайшая рядом с нами. Выпись, завтра пойдем на разведку. Там и машину тебе подберем.

* * *

Я чувствовал себя аборигеном. Выглядел как абориген, пах, как абориген, ел, то что ели аборигены и ходил пешком, как аборигены.

Мне выдали кожаную сумку через плечо, куда я сложил запасные патроны и большой запас еды: рис в глиняных горшочках, зеленое рагу из листьев маниоки и связку бананов. Мяса у камаджоров практически не было, а есть я хотел постоянно. Не то чтобы они все тут веганы, просто и раньше это дорого для большинства жителей страны, а спрятать склад с консервами в лесу, почему-то никто не догадался.

Дедушка Лу вызвался идти со мной и взял с нами Али. Винтовки на плечо, у меня штык, у камаджоров их острые палки, котомки за спиной – буденовок только не хватало, а так прямо бодрые черноармеецы.

Никакой информации, что происходило в городке и на прииске, не было. Камаджоры предпочитали, чтобы до поры до времени, об их лагере никто не знал и сами лезть никуда не торопились. Оттого и сидели на своей банановой диете, веганы чертовы. Аж бесило, как они радостно чавкают и причмокивают, а ты сдерживаешь набат в голове: «гооолод,

гоолод», причем не вызванный паразитом, а собственный реальный.

Когда за лесом, наконец, открылся вид на город, мы сделали привал. Мне нужно было подкрепиться и отдохнуть. Я чувствовал в себе силы, я мог бегать, прыгать – быстрее, выше и дальше, чем раньше. Но вот только недолго. Чувствовал себя кроликом из рекламы, у которого на глазах садится заряд батареи.

Перезаряжала меня еда и короткий отдых. Я молотил бананы один за другим, будто дрова в очаг подбрасываю, где они и сгорали за мгновение. Плюс десять-пятнадцать минут перекура воображаемых сигарет и батареечка пополнялась, а кролик во мне радостно бил в ладошки.

Хотя то, что мы видели, радости никакой не вызывало – с левой стороны метров через пятьсот начиналась старая деревня, одноэтажные постройки, некогда яркие краски на крышах, давно никто не обновлял. Косые дохлые заборчики, ржавые ставни на окнах и ни одной машины в поле зрения. Справа промзона. Один высокий холм с ровно срезанной верхушкой, несколько маленьких – в одном из которых виднеется черный провал тоннеля. Повсюду грязь, камни, редкая зелень и следы от протекторов здоровенных шин, ведущих от холмов до разбросанных по округе пластмассовых зданий – типа обычная строительная бытовка, мутировавшая в самолетный ангар.

И вот там машины были – желтые сорокатонные самосва-

лы John Deere, похожие на муравьев, мордатые с кабинкой на одного человека по центру. Здоровенные погрузчики, экскаваторы, бульдозеры – то ли стройка века, то ли съемка сериала «Золотая лихорадка» от Discovery.

Все же съемка – построили декорации, решили свои задачи и бросили все. Если в карьере ТВ шоу про старателей, то в деревне снимали вестерн – знойная жара, пыль, скрип дверей на ветру (который я очень четко услышал в момент слухового скачка).

Народу – ноль. Все вокруг вымерло, и живое, и ожившее. Первым, бесшумной тенью, к домам проскочил Али, следом мы с Лу. Не торопились, Лу, как на трость, опирался на свою палку, а я вертел «мосинкой» на каждый подозрительный звук или движение.

Заглянули в ближайший дом с открытой дверью. Маленькая кухня сразу без коридора, потом две тесных комнаты метров по десять. Скромненько, но живенько – кровать, телевизор, деревянные шкафы с потрескавшимся лаком на дверках, письменный стол, шкаф с книгами на незнакомом мне языке, но судя по картинкам, что-то анимешное. И повсюду бардак, как после обыска или срочного побега.

Шкафы распахнуты, часть вещей разбросана, часть отсутствует. В холодильнике запах тухлятины и протухшая еда. В раковине грязная посуда, пара почерневших бананов в вазочке на столе уже даже пылью покрылись. Трупов нет, крови нет.

– Сбежали все, – прошептал дедушка Лу.

– Куда и с чего вдруг такие продуманы оказались?

– Куда не знаю, но если «глобалы» вовремя смекнули, к чему все идет, закрыли шахту и сбежали, то местные могли поступить так же. Это хоть и деревня, но тут только работяги жили, кормились от шахты.

– Главное, чтобы машину оставили, а то на самосвале я могу далеко и не уехать.

Лу пошуршал в бумажках, валявшихся на столе, поднял рекламный буклет, торжественно потряс им и отдал мне. Yamba Motor Garage – вырви глаз яркая надпись, фотография гаража с белыми пикапами и купон на скидку.

– Пойдем, это недалеко.

Мы выборочно проверили еще два дома, но везде картина повторилась. Все разбросано, а народа и след простыл. В третьем доме повезло, и я набил свою авоську мясными консервами, похожими на нашу тушенку. Тот же тип банки, только с логотипом «Global Corp Food».

Спасибо тебе, добрый человек, что прихватил такое счастье с работы. Я на ходу вскрыл одну банку, шел и, чавкая, разговаривал с Дедушкой Лу.

Гараж «Ямба Мотор» нашелся через километр, мы уперлись в него, просто идя по главной улице. Г-образный навес на восемь машин, вместо домкратов и подъемников, глубо-

кие ямы, будто под могилки. Машин под навесом было целых две – белый пикап «тойота» стоял с открытым капотом, но, к сожалению, без двигателя. Со второй тачкой было все еще хуже (тоже «японка», только фургончик), у нее просто не было колес. И заднего моста, как она держалась, я не понял, но с виду просто несколько листов из рессоры выпало и в землю уперлось.

Вернулся Али и сказал, что в городе везде так. Пусто, тихо и мертво.

Дальше по дороге нашли пустую заправку. Машин там не было, но бензин был, и целенаправленно маленький внутренний магазинчик никто не грабил. До меня.

Я тихонько, чтобы камаджоры не видели, выкинул всю выданную мне в лагере еду и, придавливая, в несколько слов утрамбовал разные шоколадные батончики. Потом соорудил еще одну авоську из десятка пакетов, запихивая один в другой, и набил его водой и газировкой. Пока я объедался и мародерил, Дедушка Лу нашел автомобильный атлас Сьерра-Леоне.

Потом прошли мимо довольно милого и уютного отеля, построенного в Средиземноморском стиле с аккуратными колоннами на террасе. Уперлись в Т-образный перекресток перед мечетью и свернули к карьере.

Вышли на пустырь и минуя административные и прочие здания направились к ряду брошенной техники неподалеку от въезда в тоннель. Помимо самосвалов и погрузчиков там

мелькнуло несколько белых кузовов поменьше.

Поход по открытому пространству нервировал, но еще больше нервировало отсутствие зомби. Не верю. Так не бывает. Мозг уже не соглашался верить, что где-то может быть безопасно, зато рисовал целое множество подвохов. От «черепашки», который стаскивает куда-то тела и сейчас метнется на нас из-за кустов, до совсем какой-нибудь новой невидимой твари, как хамелеон, прячущейся в камнях.

Мы прошли мимо въезда в тоннель – метра три в ширину и пять в высоту, самосвал аккуратненько проскочит, но не развернуться, ни встречу пропустить уже не сможет. По бокам метра на полтора от земли белая краска, выше только неровные каменные сколы, даже сеток нет. Под потолком висит гирлянда не работающих сейчас фонарей.

– Не верится, что она там, – я подошел чуть поближе и потянулся к тоннелю, пытаясь принюхаться, – Грязью пахнет и камнем. Не чувствую зова.

– Я тоже сомневаюсь, что глобалы бросили бы место, где они нашли алмаз, – ответил Лу и, присев, поднял кусок глины и раскрошил его в пальцах, – Вероятно, это не здесь.

Я не стал спорить. Если можно сюда не лезть, то лучше сюда не лезть. Мы обошли вход, поднялись выше на холм и оказались на накатанной пыльной дороге. Где на обочине, как по заказу стояло несколько самосвалов, а из-за угла

дальнего выглядывала узнаваемая морда старого «Дефендера». Того самого олдскульного поколения, дизайн которого тридцать лет не менялся, жесткого, аскетичного и с отличной проходимостью.

Этот оказался машиной скорой помощи. Небольшой белый фургон с надписью AMBULANCE и запаской прямо на капоте. И, наконец-то, с зомби внутри. Один в кабине, пристегнутый на водительском сиденье – совсем тощий облезлый мужик, у него даже сил не было кидаться в нашу сторону. Только подгнившими пальцами, устало поскреб по стеклу и уронил голову на грудь. У второго судя по звукам долбежки о стенки кузова, сил было побольше.

– Осторожней, может быть опасно, – прошептал Дедушка Лу.

– Зато, гарантированно сразу с ключами, – я поманил Али за собой.

Занял позицию напротив дверей, поднял «мосинку» и кивнул Али, чтобы тот открывал дверь. И только он потянул за ручку и щелкнул замком, дверь распахнулась, и оттуда вывалилось тело местного работяги в спецовке. Я не успел выстрелить, Али опередил меня, взмахнул копьем и пробил затылок поднимающегося зомби.

С водителем оказалось еще проще, я даже не полез, пропустил вперед Али. Приоткрыли дверь ровно настолько, что-

бы просунуть острый кончик копыя и аккуратно тюкнули в висок. Брр, реально, будто, как кием по шару в бильярде.

Ключи на месте, бак заполнен больше, чем наполовину, завелась влет. Но воняло внутри жутко, на стеклах и стенах мутные разводы слюней вперемежку с гнильцой. Нашли в аптечке спиртовые салфетки и минут тридцать проветривали и драили машину.

И только когда уровень вони снизился до терпимого значения, открыв все окна загрузились внутрь (я за рулем, Али рядом, а Лу в кузове), и поехали на заправку за запасом. Дорога повела чуть вверх и в объезд вокруг холма, неровная, со следами самосвалов и колеей от гусеничных самосвалов, так что мы особо не гнали.

«Рваааать, ууубишиваааать...»

Я резко дал по тормозам, услышав зов. Только какой-то странный, будто не меня зовут, будто чужое эхо разносится вокруг. Я вертел головой, пытаюсь понять, откуда идет эхо, заодно переглядываясь с камаджорами. Дедушка Лу напрягся, не понимая, что происходит, а Али, будто тоже что-то услышав, вдруг заорал: «Гоу, гоу, гоу!»

Одновременно с ревом мотора я услышал гул, идущий из-под земли. Тряхнуло, машина задрожала вместе с землей и метрах в двадцати перед нами вздыбилась земля, показав морду «опарыша». А между нами начала оседать земля.

Дорога перед нами рухнула вниз. Дорожное полотно или плита, которая была под нами, обвалилась с одной стороны, превратившись в горку. И создала новый наклонный въезд в тоннель прямо под задницей застрявшего “опарыша”. Я не успел ни вильнуть, ни вовремя сдать назад и с криком: «Держитесь!», вдавил педаль газа.

Глава 3

– Стоп, стоп, стоп! – кричал Али, косился на меня, но руль выхватывать не решался.

– Дави ее! Давай, – а вот Дедушка Лу, наоборот, вцепился мне в плечо, тряс его и, брызгая слюной, орал в ухо.

– Да идите вы оба на хер! – я рывкнул и поддал газу, – Давилка еще не выросла!

Давить такую дуру я бы согласился только на катке или на танке. В свете, который оставался от дыры, в которую мы влетели, виднелись нижние конечности монстра. Толстый раздвоенный хвост напоминал русалочий, только вместо плавников два острых костяных штыря, и носился от стены к стене, как маятник. А маленькие, в сравнении с общей тушей, крабы ножки цеплялись за полуразрушенный потолок, пытаясь вызволить застрявшее тело.

Я вильнул в сторону на противоход хвосту, скрежеща бампером, а потом и кузовом по неровной стенке, сбил боковое зеркало и стал выжимать из старичка «дефендера» максималку. Машина обиженно зарычала, ее шатало по разбросанным обломкам и раскисшей от грунтовых вод глине. Мы почти проскочили, когда по крыше кузова раздался удар и взвизгнул Дедушка Лу, а «ленд ровер» вжало в стену. Но скорость я не потерял, покосился на дырку в крыше кузова, от-

лип от стены и погнал по прямой.

За спиной раздался грохот и последний лучик света, мелькавший в единственном оставшемся зеркале, закрыла тень опарыша.

– Выбрался гад, – крикнул Лу, – За нами идет, поднажми!

– Свет, свет, свет! – затараторил Али.

– Темнота друг молодежи, не знаешь, что ли? – я огрызнулся, но все-таки щелкнул фарами и дополнительно включил синие мигалки, хоть как-то светившие на потолок, – в темноте не видно ро... Да, ладно вам!

Фары высветили второй тоннель, уходящий вправо, но свернуть туда оказалось невозможно. Дорогу перекрыли шаркуны. Плотная толпа ровными рядами, которые не получилось сосчитать, набилась, будто люди в метро, в очереди на узкий эскалатор.

Эти зомби никуда не торопились, остановились, как перед невидимой чертой в метре от дороги, и впали в какой-то анабиоз. Когда фары высвечивали конкретных мертвяков, те дергались, будто включаясь и начинали вертеть мордами, блестя пустыми слепыми зрачками. Трое выскочили на дорогу и если бы у них остались мозги, чтобы об этом пожалеть, то сделали бы это сразу.

Даже не слушая очередных истеричных советов моих пассажиров, я еще больше ускорился, выравнивая машину, что-

бы максимально принять их на бампер по касательной. Но получилось, как в боулинге – этакий недострайк. И эти скучковались, и новые на дорогу выскочили. «Дефендер» раскидал почти всех, один перелетел капот и впечатался в треснувшее лобовое стекло и скатился в сторону, второй прилетел к нам на капот и чем-то зацепился за запаску, а остальные сначала рваными тряпками разлетелись в разные стороны, а потом и прохрустели под колесами.

Но мы потеряли скорость. Непрестегнутый Дедушка Лу хрипел где-то на полу кузова. Али высунулся в окно и не только добил парня на капоте, но и отмахнулся от самого шустрого из новой партии, ломанувшейся на нас из тоннеля.

Мы погнались дальше, радостными воплями приветствуя пробку, образовавшуюся за спиной. Опарыш влетел в поток зомби, страшно ревел, раскидывая их, а они и рады были уступить дорогу, но уже все перемешалось.

– По крайней мере, теперь понятно, куда делись жители деревни, – сказал Дедушка Лу. – Нужно оторваться и найти выезд.

Я не стал комментировать капитана-очевидность, только посоветовал ему пристегнуться и стал внимательно смотреть на дорогу. На однотонную, серо-синюю от мигалок, картину – мокрая грязь, каменные стены и тусклые лампы в темноте под потолком. Изредка попадались дорожные знаки, ти-

па главная дорога или впереди острый поворот. Только в отличие от приличных подземных парковок, указателей на выезд здесь не предусмотрели. Али, в роли штурмана, как мог, комментировал, и то ли для верности все повторял три раза, то ли просто заикался.

Я всегда думал, что шахта или рудник – это прямая линия, как червячок идет вперед, копает тоннель перед собой, опускаясь все глубже и глубже. Но здесь оказался целый лабиринт с перекрестками, брошенной в тупиках техникой, завалами камней, залами с толстенными столбами, да еще и с несколькими уровнями – мы нашли лифтовую площадку, но та, к сожалению, уходила только вниз.

За спиной неумолимо пыхтел «опарыш», а спереди повсюду слонялись шаркуны – то один, то парочка, то опять сразу целая толпа. Сначала мы их не трогали, проносясь мимо на максимально возможной скорости. Но потом, стали убивать одиночек, просто чтобы оставить след, что мы здесь уже были, и проверить идею, что мы ездим кругами.

– И сколько мы здесь будем вертеться? – я чуть снизил скорость, чтобы не пропустить какое-нибудь ответвление. – Вы же колдуны, включите уже какую-нибудь свою магию?

– Ты, ты, ты... – чуть не задыхаясь, начал заикаться Али.

– Андрей, если кто сейчас и может услышать зов, так это ты, – Дедушка Лу положил руку на плечо Али, – Мы свой зов давно заглушили.

– В смысле? Вы что ли были заражены?

– Каждого охотника еще с детства заражают, учат бороться. Налево сейчас давай попробуем, – Дедушка Лу махнул рукой, – А что ты думал, мы вживляем под кожу вместе с татуировкой?

– Стоп, стоп, стоп, – я даже притормозил и непроизвольно начал чесать узоры на правой руке, – То есть у вас давным-давно есть образцы вируса? И всего этого можно было избежать, просто поделившись знаниями с учеными?

– Все не так. Ты бы поехал, а то сзади догоняет кто-то, – вздохнул Дедушка Лу. – Все, что у нас есть – это прах наших предков. Тех, кто по легендам, пал на поле боя со злом.

– Вот вы дебилы...

– То, что вы считаете странным, не всегда странно у нас на континенте, – Лу не стал обострять, реагируя на мое оскорбление, – Есть племя, которое детей мухами цеце жалит, чтобы с возрастом иммунитет выработался. Для наших племен это нормальная практика.

– Да и они дебилы! Там же, небось, выживаемость от таких экспериментов минимальная... Вы мне что прах какой-то мумии под кожу набили?

– Дедушка Лу, можно я его ударю? – взмолился Али.

– Андрей, не о том ты думаешь, – Дедушка Лу покачал головой, – Думай о зове. Слушай.

Я махнул рукой. Переключил передачу и резко сдал назад,

задавив трех шаркунов, догнавших «дефендер». Проехался по ним вперед и назад, выплескивая приступ злости и успокаиваясь.

Окей! Слушать, значит слушать. Еще бы знать, как? Прием? Прием!

Что-то как-то ничего. Ни призывов убивать, ни жажды, ни голода. Али что-то бурчит про своего прадеда, великого воина. Дедушка Лу скрипит тряпочкой, протирая очки. Машина урчит, скрипит и хлопает резиной по размокшему бездорожью.

Я заглушил мотор, остановившись на перекрестке. Выключил фары и мигалку, попросил всех замолчать и откинулся на спинку сиденья. Закрыв глаза и меня сразу же потянуло в сон.

М-да, так тоже не пойдет.

Встряхнулся, сосредоточился, оттопырил пальцами ухо и стал крутить головой, как локатором. Послышался шелест, я даже подумал, что приближается шаркун и включил фары. Но поблизости никого не было.

Выключил и прислушался снова. Сосредоточился. И практически сразу что-то начал слышать. Где-то далеко на границе слуха. Будто не в кабине разбитого внедорожника под землей сижу, а в кабинете на приеме у лора. Когда он проверяет твой слух и шепотом, стараясь делать все максимально тихо, называет какие-то цифры. Вот только мой лор был каким-то кровожадным. «Гооолоод...», «Смеeee-

ерть»...

Не хочу думать, что это было. Последствия укуса, прах дедушки Али под моей кожей, покрывшейся мурашками, или обычное шестое чувство. Все это сформировало чувство опасности, которое исходило спереди, сзади, слева и снизу. Причем снизу помимо волны неконтролируемой ярости, уже слышался и треск ломаемых камней.

Я щелкнул коробкой передач и втопил педаль газа, выкручивая руль в правый тоннель. Чувствовал, как с облегчением, вздохнули камаджоры. Видел, как вздыбилась земля ровно на том месте, где мы только что стояли. Слышал топот ног, несущихся теперь уже с левой стороны. Но все это было в каком-то тумане – главным ориентиром, наоборот, стало чувство безопасности.

Я ехал и, ускоряясь, поворачивал в ту сторону, откуда не слышал ничего. Белый шум, вакуум, абсолютная глухота – можно было как угодно это назвать, главное – там молчала тревога.

Наконец, фары высветили тот самый обвал, через который мы сюда попали. И если тогда это была горка, то сейчас получался настоящий трамплин.

– Не, не, не, не пройдем, – крикнул Али.

– Сам знаю, – я только крепче вжался в руль, сморщил лоб, в надежде, что это усилит внутренний локатор и склонил голову, – Это где-то рядом...

– Ты только не тормози, нас что-то быстрое догоняет, – закричал Дедушка Лу, а следом послышался выстрел.

Первый раз, кажется, я видел, чтобы Лу взялся за огнестрел. И точно, то что его напугало, не даст нам возможности покинуть машину и попробовать пешком взобраться по обвалу. То, что машина не пройдет, я понимал даже в своей полутуманной реальности. Похоже, так себе суперсила, чувствовать зов и опасность, исходящую от мутантов. Обычный бетон внавалку с камнями просто на нет сводит все откровения подсознания.

Но зачем-то же я сюда рвусь? Вот оно! Ответвление, где мы заметили первую толпу шаркунов, сейчас не только было практически свободно, но и свет мерещился где-то вдалеке.

Колеса налетели на первые трупы, раздавленные после столкновения с опарышем, машину стало шатать. А когда джип забуксовал (даже не хочу представлять на чем именно), мы с Али начали орать, в легкую перекрикивая рев двигателя.

– Давай, давай, давай, родная! – я уже, как Али, на нервах стал проговаривать все по три раза, – тащи, тащи, тащи нас, девочка!

Уж не знаю, почему я решил, что «дефендер» девочка, но она будто услышала. О да, детка! Это полный привод! Ма-

шину повело из стороны в сторону, с хрустом из-под правого колеса полетели короткие острые кости, и мы, наконец, вырвались. В забрызганном мясными ошметками боковом зеркале мелькнула пузатая туша какого-то, видать, начальника с раздробленными ребрами, над которым пронеслось две тени. Раздался новый выстрел от Дедушки Лу и одна из теней сбилась и налетела на каменный выступ на стене.

При виде светлого пятна впереди, «дефендер» будто почувствовал наше настроение. Попал в колею, взревел, и как бронепоезд помчал вперед!

* * *

– Нам нужно искать другую машину? – спросил Али, когда мы подкатили к заброшенной заправке.

– Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу, – я осклабился на камаджора, – Все равно его не брошу, потому что он хороший...

– Космос, ты в порядке? Или головой ударился?

– Али, не обращай внимания, – Дедушка Лу, убедившись, что на заправке нет зомби, выбрался из кузова, – Это у русских фольклор такой или он духов машины задабривает. У них с машинами тоже бывают духовные отношения.

– Ну, конечно, – я выбрался из машины и погладил капот, – Это ваши предки нас вытащили. Табун призрачных

лошадей, видать, под капотом тут старался, а не полный при-вод.

Я обошел «дефендер», стараясь оценить степень повреждений и понять, нужна ли нам и правда новая машина.

Кузов пострадал. Дыра в крыше, будто нас ковшом буль-дозера цапнули. Все бока ободраны, на капоте вмятина и замок заклинило, решетка радиатора треснула и забита мерзотными ошметками. Лобовое стекло проще выкинуть, чем что-то за трещинами разглядеть. Зеркала левого нет, дворник один даже оторвали, а в остальном не машина, а огонь.

– Дедушка Лу, ты на стреме, надо убедиться, что никто залётный за нами не пошел. Али, тащи из магазина всю еду, что там осталась. А я заправлюсь и дальше двинем.

– В лагерь надо заехать на минутку, а потом мы дальше с тобой.

На минутку не получилось. Пока Лу раздавал инструкции, я, не выходя из машины, отключился. Переживая во сне безумные гонки еще раз.

Как выскочили из туннеля, как пытались сбросить прыгуна, вцепившегося в крышу кузова. Как кружили по карьере в поисках выезда, загоняя преследователей в каменные завалы. Как потом дали небольшой круг по городку, сбрасывая с хвоста упорных прыгунов.

Когда проснулся, уже стемнело и поездку пришлось отложить на утро, еще раз пережив события дня, слушая байки Дедушки Лу детям у костра. Язык я не понимал, но жестикуютировали Лу с Али довольно артистично, разыгрывая по ролям нашу поездку в грузовичке. То показывая меня, крутящего руль, то страшных монстров, пытающихся нас догнать.

Участвовать в шоу не стал. Подкрепился и безуспешно попробовал достучаться до Лу, что пора ехать. Закончив представление, камаджоры приступили к каким-то своим священным обрядам, стали жечь траву и делать наговоры нам на удачную поездку. Али сказал, что без этого нельзя, а я опять ушел спать. И под мерное пение продрых до самого утра.

В итоге загрузились уже на рассвете. Дедушка Лу с Али опухшие, будто еще не ложились, и все остальные камаджоры примерно такие же. Провожать нас вывалились всей деревней, будто единственных абитуриентов в столицу отправляют, ну или как минимум, в военкомат сынов племени послали.

Я не стал слушать напутственных речей и поскорее закрыл ручку водительского окна, чтобы сморщенный старперский колдун не окатил меня куриной кровью на удачу. Обиделся дед. Стукнулся своим венчиком из оторванной куриной шеи о стекло, нахмурился и поплелся обходить машину, чтобы набрызгать через разбитую лобовуху.

– Едем, едем, едем, – я завел «дефендер», – Двери закры-

ваются, следующая остановка ближе к Мабекко, как въедем в Северную провинцию!

Дедушка Лу, что-то крякнул, Али блаженно пялился по сторонам, размазывая кровавые капли по носу, а вот старик с венчиком аж подпрыгнул от рывка машины и хорошо, что не под колеса. Но мы вырвались! Медленно выкатили из леса на узкую грунтовую дорогу и поехали на запад.

Пока камаджоры всю ночь заряжались своей куриной магией, я изучал карту. Наметил максимально простой маршрут и несколько запасных, на случай возможных проблем на дороге. Выбирал не специально, но все города на маршруте назывались на одну букву: Масокари, Мабатофф, Матотака, Магбенки, Матуар, Манкит, Мамама и так до самого Магбента-Койя, откуда останется всего пять километров до границы с Фритауном.

Если все пойдет по плану, то к вечеру въедем в пригород Фритауна. Или заночуем чуть пораньше и тогда уже с рассветом.

Мои волшебные напарники задремали, я просто наслаждался дорогой. Светло, но еще не жарко. Пустая дорога с редкими брошенными автомобилями, парочка мертвых автостопщиков, как собаки, гавкающие и бегущие за колесами. Лепота!

И природа – по обе стороны дороги лес, через каждые несколько километров малюсенькие деревни вдоль дороги.

Не какой-то ржавый недострой, как в городе, а сельские аутентичные африканские постройки с тростниковыми остроконечными крышами. И цвет стен позитивный, попадались розовенькие и голубенькие хижины.

Я закурил и полез к магнитоле, проверить, может, радиостанция какая работает. Но, кроме шипения, поймал только чью-то плохо слышимую трескотню на иностранном языке, где отчетливо слышалось только «Mayday, Mayday, Mayday». Как ни пытался лучше поймать волну и разобрать подробности или координаты, не смог. А потом и вовсе потерял волну.

Не хватало музыки. Я поковырял окошко кассетной магнитолы, пытаюсь вспомнить, когда последний раз такую видел. Не смог. Только воспоминания, что их часто воровали и народ таскал их с собой. Кассет не было ни внутри, ни в бардачке. Пришлось петь самому.

И хоть песен я знал мало, но начал бодро с: «Крепче за баранку держись шофер...».

Вот только чем дальше ехал, продвигаясь в сторону цивилизации, и приглядывался по сторонам, замечая то трупы, то кровавые пятна, то доедающих кого-то в грязи зомбаков, тем песни в моей голове менялись.

И теперь по кругу звучали только Cranberries с их знаменитым хитом: «...In your head, in your head. Zombie, zombie, zombie-ie-ie...»

Глава 4

Кто бы мне сказал, что на легкую поездку в триста километров, у меня уйдет почти неделя, я бы рассмеялся. Да еще демонстративно покрутил бы пальцем у виска и сморщил лоб. Ку-ку, чудила? Тут ехать-то всего ничего. Это лишь чуть больше, чем от Москвы до Ярославля и чуть меньше, чем оттуда же до нижнего Новгорода. С ветерком, без стоячих и бесячих пробок, без ремонтов дорог и отбитых обочечников. Пять часов со свистом! И это с заездом в какой-нибудь «макдак» по дороге.

Но в Сьерра-Леоне после введения карантина оказались другие правила дорожного движения. Другой ремонт и другие обочечники.

Мы встали сразу же, как только пересекли границу между провинциями. Не доехали до Масокари метров пятьсот, как за поворотом дороги появился блокпост. Бетонные блоки, раскрашенные в красные полосы, закрывали обочины, между ними такой же красно полосатый шлагбаум и почти вплитык две полицейские машины внахлест параллельно шлагбауму.

И все бы ничего, уж две машины как-нибудь да растащим, но за ними начиналась автомобильная свалка. Первые несколько машин уже покрылись ржавчиной, полностью выгорев. Дальше, как яйца на пасху, одно билось о другое, ло-

малось, глохло и застревало. И утрамбовывалось следующей машиной. Как далеко тянулась пробка, я не увидел, но судя по разноцветным крышам, там штук тридцать, не меньше. При этом ни живых, ни мертвых людей по округе не бродило.

– Надо разведать, – я обернулся к Дедушке Лу. – Схожу. А вы сидите пока тихо.

– Может, лучше я? – Али кулаком стукнул себя в грудь.

– Справлюсь, деда охраняй. Возможно, придется новую машину искать.

Возражений не последовало, и я заглушил машину, но оставил ключи в замке зажигания. Взял в руки «мосинку» и не спеша, оглядываясь по сторонам, пошел к шлагбауму.

Я подкрался к одному из блоков, спрятался за ним и прислушался. Предчувствие молчало. Ни зова, ни шепота, только урчание в животе от подступающего голода. Из живых звуков только легкий шум ветра в кронах деревьев, легкий скрип, будто какая-то деталь качается и плотное сводящие зубы жужжание мух.

Я вытянул шею и разглядел первые трупы. Сгоревшие водитель с пассажиром в первой машине. Я пролез под шлагбаумом, обойдя знак STOP, и спрятался за полицейской машиной. Под ногами звякнули гильзы. Вся дорога перед машинами была усеяна гильзами вперемежку с битым стеклом и пустыми магазинами от АК.

Заслон был здесь. Те, кто охранял проезд, прятались за машинами и лупили по тем, кто пытался проехать. А пятен крови почти не было, с краю только темное давно засохшее пятно, а бетонные блоки за спиной без единого скола. В ответ им не стреляли.

А вот они, судя и по первым сгоревшим автомобилям и тем, что как решето стояли дальше, и даже по сбитым веткам и сорванной коре – лупили, как истеричные. Так что непонятно, кто больше был напуган. Гражданские, что перли на пули, или копы, убивающие все живое, что на них перло.

Легковушки и пикапы, заваленные баулами с вещами, все в хлам – либо сцепились с соседями от удара, либо пробито все – от радиаторов до крыш. Здесь, похоже, еще и гранат не жалели.

Я нашел еще тела в машинах. Все окончательно мертвые. Победители не стеснялись, добивали уцелевших и растаскивали пожитки. Я прошел мимо первого десятка машин в несколько рядов как жавшихся на узкой дороге, так и слетевшие на обочину и зажатые между деревьями. Везде картина была одинаковая, кто смог выбраться из машины, тот далеко не убежал.

Мужчины, женщины, дети – над телами поработали и позже. Рваные раны, оторванные части тела со следами клыков. Может звери, а может зомбаки. Останки здесь вялятся уже недели две, запаха практически нет, а над некоторыми не только мухи вьются, но и внутри что-то мелкое белое копо-

шится.

Дальше машины были брошены посвободней, но впечатление свалки все равно не исчезало. Видавшие виды пикапы язык не поворачивался назвать старыми. Древний хлам – и то, это будет комплимент. Как они досюда доехали, непонятно.

Я попробовал несколько машин. С виду целых было немного. Либо шины пробиты, либо бензобак прострелен с разводами бензина под колесами, либо ключей не было.

В итоге выбрал более-менее чистенький хэтчбек «тойоту короолу» бледно-желтого цвета, которая успела развернуться, но проехала совсем ничего в сторону леса, куда, скорее всего, пытался сбежать водитель. Нашел ключи внутри и попробовал ее завести. Тишина, просто ноль реакции. Пригляделся и увидел открытый бензобак – что могли слили, остальное испарилось.

В просвете деревьев сбоку от дороги я увидел поляну, на которой расположился полевой медицинский лагерь. Стояли машины скорой помощи с распахнутыми дверьми, на земле валялись какие-то приборы красного и оранжевого цвета, коробки от лекарств, перевернутая каталка и прочий мусор. Трупы тоже присутствовали и здесь я уже разглядел несколько человек в полицейской форме – одного с мачете в затылке и двоих с проломленными головами и неестественно вывернутыми конечностями.

Впритык к лесу стоял каменный сарай и три длинных,

высоких палатки с массивным каркасом, накачанным воздухом. Из ближайшей палатки с большим красным крестом на крыше слышалась возня с хрипами.

Прицепив штык на «мосинку» и постоянно оглядываясь на лес, где в лучшем случае метров на пять вглубь хоть что-то просматривалось, а дальше кусты и плотные заросли, я пошел к палаткам.

Тихонько открыл надувную дверь и заглянул внутрь. Чем-то напомнило медблок в лагере миротворцев. Вдоль стен с полупрозрачными полиэтиленовыми окнами стояли койки. Пыльные в коричнево-красных разводах простыни, под койками чемоданы. А на койках пациенты, трое. На одном смиренная рубашка, а двое просто пристегнуты ремнями за ноги и руки к основанию коек. В дальнем конце палатки пластиковый стол с трупами врача и медсестры, на стене ручной самодельный умывальник из перевернутой пятилитровой баклажки с позеленевшей водой на доньшке, а в углу еще одна дверь с закрытым пологом.

– Здорово, мужики, – я подскочил к ближайшему, тому, что в рубашке, и воткнул штык ему в висок, – А я вам мандаринчиков принес, а то вы голодные поди. Воу, воу, полегче!

Я отскочил, не ожидав, что остальные связанные так резко на меня среагируют. Чуть не взвыли от радости, стали шатать койки и пытаться вырваться. Дошло до того, что худой

фермер так сильно дернул рукой, что она с хрустом отломилась в районе предплечья. Без рычага зомби уже не мог дергать койку, потянулся в мою сторону, щелкая зубами, но сразу же получил штыком в лоб. Даже не хрустнуло, будто гнилую деревяшку проткнул, а не толстую кость. А вот второй умудрился-таки перевернуть кровать и теперь только злобно рычал на меня, лежа на боку.

– Давай, мужик, на выписку пора, – штык оказался удобным и действенным инструментом, добивать и ставить окончательный диагноз.

Что-то послышалось за стенкой палатки. Шорох листьев, но, возможно, просто ветер. Я активировал внутренний локатор зова, почувствовал что-то злое, но неразборчивое. Детский смех? Хохот на грани визга. Нетерпеливое голодное рычание?

Не понял что. Даже не понял, в реальности все это слышу или на грани подсознания. Звуки были повсюду, окружали палатку и приближались. Я ущипнул себя за руку, пытаюсь полностью вернуться в реальный мир и сосредоточиться.

Услышал легкие шаги, будто ребенок крадется босиком. Хруст битых бутылков из-под лекарств, недовольное ворчание, быстро сменившееся на странный вой. Так пьяный визливый ребенок мог бы передразнивать собаку или волка. Я попробовал разглядеть, что там за чудо, через пластиковое

окошко заметил низкий размытый силуэт и пробежавшую тень.

Шорох переместился к главному входу. Дыхание тяжелое, может, и, правда, собаки. Сидят там, языки высунули, от жары маются, я себе придумываю всякое. Но сигнал тревоги нарастал, стучался в виски, и вместе с адреналином заставлял сердце биться чаще. И лишний раз прокручивать в голове, как максимально быстро работать затвором.

Я замер в паре метрах от входа, чувствуя, что с той стороны тоже готовятся. Между нами пара стоек надувного каркаса вокруг входа и прорезиненый тент – так себе преграда на самом деле.

С той стороны терпение закончилось раньше. Мягкие тихие шаги и полотно, заменявшее дверь, стало выгибаться в мою сторону примерно на уровне пояса. Будто кто-то тянет руку, прощупывая тент.

Я выстрелил чуть выше бугра и ногой толкнул ближайшую койку, прибалдев от силы удара, с которой это сделал. Металлическая кровать крутанулась в воздухе, впечаталась в каркас так, что вся палатка затряслась, отбросила того, кто был за дверью и рухнула на пол ножками вверх.

На улице взвыли, один обиженный голос и два с нотками злорадства и угрозы. Я попятился ко второму входу.

И когда я был уже почти посередине палатки, тент взметнулся вверх, и в помещение прыгнул сгусток ржавого цвета.

Гиена.

Пятнистая, почти мне по пояс и, скорее всего, такого же веса, как я. На грязной, вымазанной в засохшей крови, шерсти невозможно было разобрать: черные пятна – это окрасили подгнившие рваные раны.

Псина была мертва и довольно давно. В голове пронеслись обрывки воспоминаний из школьной программы, но, кроме того, что она фактически не псина, а кошка и челюсти достигают пяти тысяч атмосфер, которыми она, как семечки, крошит черепа бегемотов, ничего полезного не вспомнилось.

Гиена споткнулась о перевернутую кровать, потеряла скорость, но быстро выпрямилась, встряхнулась и уставилась на меня. Одно ухо разорвано, вместо носа, гнойная впадина, а на массивном плече в ране белеет кусочек кости, едва прикрытый лоскутами кожи.

– Зубы, я надеюсь, у тебя тоже выпали? – я замер, стараюсь, не делая резких движений, перезарядить винтовку, – Мы ведь с тобой теперь одной крови. Меня покусали, тебя покусали, если, конечно, сама какую-нибудь гадость не съела.

Гиена не ответила, чуть припала к земле и показала, что с зубами у нее все в порядке. С языком проблемы, это да – розово-зеленый обрубок в глубине пасти трепыхается. А пасть впечатляла. Не у всякой акулы такая есть – кривые острые зубы, слишком большие для этой головы природа создала лишь для одной цели – крошить кости и черепа бегемотов.

там, буйволам и таким неудачникам, как я с незаряженным оружием.

Я зарычал в ответ. Тоже стал скалиться. Вдруг и правда последствия укуса убедят ее в том, что человек вершина пищевой цепи? Гиена перестала рычать, только скалилась. Морщила морду и вертела головой, то ли прицеливаясь, то ли, действительно, углядев во мне не жертву, а собрата или конкурента.

Нет, сука просто ждала вторую.

Они прыгнули одновременно. Та, что обошла меня и бесшумно подкралась сзади, была поменьше. Она взметнулась в воздух с нескольких метров и летела мне в спину. А передняя бросилась в ноги, намереваясь цапнуть меня за бедро.

Тело само среагировало. Я отшатнулся вбок, ударил прикладом по зубам первой и сразу же принял на штык летящую сверху. Попал ей куда-то под ребра, пробив тухлую шкуру и вывалив на пол черные потроха, сбил ей полет так, что она рухнула на край койки и свалилась на пол.

Теперь обе оказались передо мной. Та, что получила по зубам, опять скалилась – удар она, похоже, вообще не почувствовала, хотя я отбросил ее примерно на метр, а дерево все пошло трещинами. Опять ждала, пока поднимется ее подруга. Я стал пятиться, спиной, все время держа их в поле зрения, перелезая через кровати и пиная их в сторону гиен. Один раз всего попал, отбросив поднявшегося и скользившего на собственных внутренностях монстра. Но хоть поля-

ну нагромоздил, чтобы разбега не было.

Наконец перезарядился. Уже подошел к выходу и прицелился в ту, что крупнее, но услышал за спиной лающий вопль.

И опять они сделали это вместе. Тент забугрился, а первые две дуры рванули на меня, путаясь в перевернутых кроватях. Я выстрелил в тент, всего на пару сантиметров выше центра бугра, теперь точно понимая, что не лапой она дверь открывает.

Тент расправился, покачиваясь, и я выпрыгнул наружу. Запнулся о тело гиены с простреленным глазом, развернулся и принялся встречать остальных. Слышал возню и рычание, толкотню и стук о мебель. Успел перезарядиться и прежде чем отойти в сторону, несколько раз пырнул пневмокаркас, из которого с шипением стал выходить воздух.

Первой выскочил подранок. Я стоял сбоку от входа и, как только тварь пронеслась мимо меня, со всей дури пнул ее по задним лапам. Свалил на землю и несколько раз проткнул штыком. Сначала в шею, потом в оттопыренное ухо – вертящая оказалась. И только с третьего раза пробил ровно посередине черепа.

Оглянулся на палатку, которая довольно быстро теряла форму, и заметил тень, мелькнувшую возле главного входа.

– Кис, кис, кис, – я посмотрел на сарай, выбирая, где лучше занять позицию, – Слышь, оборванка, так дело не пойдет.

Нам дальше надо идти, не хочу тебя за спиной оставлять.

Я ее слышал. Точно знал, что в лес она не ушла. Чувствовал, что крадется где-то за машинами или другими палатками, не сдалась еще, а просто охотится. Я пошел на звук, подкрадываясь к углам, прислушиваясь и аккуратно выглядывая «мосинкой».

Сбоку за машиной пронеслась тень, я вскинулся и выстрелил. Даже попал куда-то в ляжку, но тварь скрылась. Тяжело с мертвыми подранками, по следу крови не выследишь. Я вскочил на какой-то ящик, перепрыгнул на капот машины и залез на крышу. Увидел короткий хвост за углом второй палатки и выстрелил, пробив тент насквозь.

Дозарядил четыре патрона и перебрался на соседнюю машину. Замер и стал ждать, потев под палящим солнцем. Вдруг резко стало дурно. Под видом теплового удара прилетела побочка. В глазах рябило от черных пятен, закружилась голова. Я зашатался, как пьяный, стараясь вернуть контроль над телом, но не смог и просто сел на горячую крышу. Щурился, вертел винтовкой, не понимая, где обман зрения, а где реально несется черная тень.

Все прошло так же неожиданно, как и началось. Еще секунду назад я был на крыше фургона, а теперь сидел на земле рядом с двумя трупами и опирался спиной на кабину машины. Винтовки рядом нет, зато со стороны капота ко мне приближается зубастая морда гиены.

Запах из пасти на меня сработал, как нашатырный спирт, вмиг приведя в чувство. Она прыгнула, а я только и успел, что ногой пнуть в ее сторону приоткрытую дверь. Столкнулись они громко, заскрежетал металл, следы от вмятины стали заметны даже с моей стороны, брызнуло стекло и что-то хрустнуло у гиены. Она рухнула на землю со свернутой в сторону шеей. Продолжала выть, рычать и щелкать зубами на меня, но лапы не шевелились.

Я подорвался и прямо по двери вскарабкался на крышу. Подобрал «мосинку», прицелился и выстрелил, упокаивая жуткую кошку.

– Ээх, если бы чукча дверцу не открыл, ушел бы бабка, – сам пошутил, сам посмеялся, вспоминая старый анекдот и успокаиваясь, – Есть хочу.

На всякий случай я еще немного посидел на крыше, затем перебрался к сараю. Осмотрелся и оттуда. Но опять стало тихо. Шипят остатки воздуха из палатки – она уже почти сдулась, горбатым мешком лежит поверх мебели внутри. Провел быстрый обыск, слопал помятый и почти растаивший шоколадный батончик из старых запасов и нашел бутылку воды. Ни оружия, ни медикаментов, ничего полезного – видать, блокпост в несколько этапов уже подчищали.

Сначала я нашел ключи, в кармане у одного из трупов. Потом подобрал к ним машину – маленький пузатый фургон-

чик незнакомой мне фирмы, с логотипом в виде снежинки и космической мигалкой, похожей на сардельку, ободком положенную над лобовым стеклом. Она даже завелась, но практически сразу заглохла, показав нулевой уровень топлива. В ней же я нашел набор инструментов, откуда прихватил самый здоровый гаечный ключ, и изоленту, которой замотал треснувший приклад «мосинки».

Фургон на дизеле, в «дефендере» есть запасная канистра. Хоть и жалко его бросать, но придется. Эх, аж взгрустнулось, но я пошел назад. Забирать камаджоров и переносить все запасы и пожитки.

Я аккуратно, прицеливаясь по сторонам, прошел завал из автомобилей в обратную сторону. Миновал заслон из полицейских машин и уже схватился за шлагбаум, как почувствовал, что что-то не так. Выглянул из-за бетонного блока и увидел «дефендер» с распахнутыми дверьми и разбросанными вокруг вещами. На белом крыле отчетливо виднелось пятно крови, а вот ни Дедушки Лу, ни Али там не было.

Глава 5

Ну и куда вы делись-то? И главный вопрос – сами или помог кто? Или главный – что делать? Бежать к машине по дороге, рискуя нарваться на лесную засаду, или самому обходить лесом?

После встречи с гиенами в темный и густой лес не хотелось. Воображение подпитывалось скудными школьными воспоминаниями и рисовало совсем уж жутких тварей. Слонов-зомби, ломающих деревья. Зомбо-змей, маскирующихся под лианы. Агрессивных, сумасшедших и очень голодных зомби-белок и, без паразита внутри, стремных летучих мышей.

А, может, ну их вообще на фиг? Не маленькие, сами разберутся? Все же не туристы какие-то, а охотники на демонов.

Пеленгатор зова молчал. Так что если и была засада, то организовали ее живые люди. Я долго прятался за блоками, изучая округу. Тихо и спокойно, даже осознал, что и в лес-то идти не страшно. Непонятно, могу ли я второй раз заразиться, но, прокручивая в голове бой с гиенами, понял, что чувство паники и брезгливости прошло. Не было этой вкрадчивой долбежки в затылки, который маминым голосом твердил: «надень шапку, уши замерзнут» только в вариации: «не дай себя укусить, заразишься... не дай себя даже поцарапать... зомби плохие, не играй с ними...»

А могла и привычка выработаться за двадцать один день. Период бреда в пещере камаджоров совсем выпал из жизни, но плюс-минус три недели я здесь уже глину с песком топчу.

Я выбрал лес. Отступил за полицейские машины и скользнул под большим кустом, стараясь не шуметь и не отвечивать. Спугнул какого-то зверька, маленького, серенького, но не зайца. А, может, и зайца, я не то чтобы на пятерки по биологии учился, у меня и маргышка – шимпанзе.

В тени деревьев было прохладней, но при этом и душно. Много запахов – от привычной земли с травой до резких и не всегда приятных. Но хоть без крови с мертвечиной – хотя пара тел практически у дороги лежало. Судя по позам, расстрелянные в спину с дороги. Видел сломанные ветки, видел следы подошвы на земле, нашел рваную футболку, но метров через десять глубже в лес все намеки на цивилизацию обрывались.

Избегая особо подозрительных веток над головой и стараясь все время видеть, куда я наступаю, углубился метров на пятьдесят и стал забирать к «дефендеру».

Вижу засаду. Но не на меня – какой-то зверек похожий на хорька, только длиннее и шерсть в полоску, замер на ветке. Шерсть приличная – без кровавых корок и дырок. Или все-таки и на меня, морду-то не видно.

Проверять не стал, на всякий случай обошел стороной. Больше ничего подозрительного не заметил и вышел к нашей «ласточке». Подкрался к открытой двери, заглянул в пустую

кабину, дошел до кузова и устоялся на бардак за распахнутыми дверями.

Рваные пакеты, фантики – если камаджоры сами все это устроили, то на них напал нехилый жор.

– М-да, жор – камаджор, надо было узнать, почему вас так называли-то? – я поворошил пакеты, пытаюсь найти хоть что-нибудь целое, – Ага... Что не съем, то понаядкусываю.

Запасная канистра была на месте, а также две «мосинки», которым ни Дедушка Лу, ни Али толком не пользовались.

Я вернулся к капоту, осмотреть новую вмятину с красным пятном. Заметил кусочек кожи и несколько прилипших волос, будто кого-то неплохо так припечатали лбом. А еще на глаза попало копые Али. Кусочек рукоятки выглядывал из-под бампера.

И только я сделал шаг и уже начал наклоняться, чтобы достать копые, меня опять накрыло побочкой. На мгновение мигнула картинка перед глазами, и звук пропал в ушах, и сразу же все усилилось в разы. Ощущение, будто меня переагрузило.

Зрение изменилось. Как от очков с желтыми фильтрами, отсекая лучи синей части спектра, что-то меняя в контрасте и делая солнечный лес намного четче. Слух усилился. Шелест маленького дротика, выпущенного мне в голову из зарослей, сработал, как предупредительный свист. По телу про-

бежала едва заметная судорога, сладкая, как от утренних потягушек, да и бодряк пришел, как от сна на свежем воздухе.

Я уклонился.

Не то чтобы время замедлилось, или я стал супербыстрым, но все произошло слишком легко. Вот такая побочка мне нравится! Перезагрузка дала динамику – быстрый взгляд на заросли, четкие сфокусированные отметки угрозы, моментальные команды телу и даже предвосхищающая реакция мышц.

Я уклонился от семи дротиков. Хотя так и подмывало переловить их и метнуть обратно – чувствовал, что легко с этим справлюсь. Семь коротких, скупых полутанцевальных движений, а я не только увернулся от обстрела и сместился за кузов, но и срисовал всех стрелков.

Коренные чудные жители, только совсем древние. Голые тела, размалеванные белой краской, но не в виде узоров, как у камаджоров, а целиком отдельные части. Белая ровная маска на лице, делала их похожими на призраков. Краской, потрескавшейся от жары или от времени, они прикрыли и ноги – от щиколоток до колен. Одеты, как туземцы, которые любят за деньги фотографироваться с туристами – длинная юбка из высохшего тростника и такие же соломенные рюшечки вокруг щиколоток. Половина с голыми торсами, другая в вязаных жилетках с узорами, а-ля наскальная живопись.

Довольно крупные, поджарые, а самый здоровый выделялся еще и окровавленной повязкой вокруг головы, частич-

но скрывающей один глаз. Показалось, что из глазницы что-то торчало, но мужик даже этого не замечал, только гаркнул что-то и на меня бросилась вся толпа.

Высоко задирая ноги, беломордые перескакивали через кусты, улюлюкали и, грозя в воздухе длинными острыми палками, бросились к «дефендеру». Я продолжил свой танец, высунулся со стороны кузова, выстрелил, увернулся от брошенного копья. Перезарядился и появился над капотом, выстрелил, ушел в сторону водительской двери, одновременно, подцепив штыком парня, летящего в прыжке через капот.

Запрыгнул в кабину, щелкнул пимпочку блокировки пассажирской двери, перед носом одноглазого, вооруженного ножом и уже тянувшегося к ручке двери, а по водительской, наоборот, долбанул ногами. Отбросил аборигена и сломал ему копье, которое он пытался пропихнуть в окошко. Перезарядился и пальнул в отсутствующее лобовое окно в следующего. Легко, даже элегантно, наслаждаясь своей гибкостью, ушел в кузов, благо спинки низкие, а про подголовники здесь никто не слышал. Снова перезарядился и собирался выскочить, но навстречу уже тыкали двумя копьями. Пальнул, не глядя, и судя по сдавленному кряхтению, попал и метнулся обратно в кабину, перевалившись через сиденья.

Приложился о руль и довольно больно налетел на ручку переключения передач, но сразу же перекрутился, уворачиваясь от копья, которое со страшной гримасой на лице впикивал туземец в окно. Схватил его и дернул на себя. Чуть не

задохнулся от облака белой пыли, которое слетело с треснувшей морды. Удар по передней стойке получился настолько сильным, что парню раздробило скулу, а металл со скрипом прогнулся. Пока парень с разбитой головой оседал на землю, я рыбкой выпрыгнул через лобовое стекло, кувырком скатился с капота и стал отходить от «дефендера», пугая «мосинкой» оставшихся на ногах аборигенов.

На меня, размахивая оружием, надвигались трое: одноглазый с двумя короткими ножами и два явно потерявших уверенность молодых парня, державших копья на вытянутых руках. Одноглазый прятался за спинами, что-то постоянно бубнил и жестами подталкивал остальных вперед.

– Мужики, может, договоримся? – я примирительно поднял руки, прикидывая, как мне лучше разобраться с тремя бойцами одним оставшимся патроном, – Ты же колдун? У меня связи есть, я тут много уже колдунов знаю, а?

Парни замерли, а одноглазый заорал совсем уж что-то страшное, полоснул себя ножом по лбу и стал брызгать кровью на спины и лица обернувшихся бойцов, затянув истощенную молитву.

– Какие мы обидчивые, фу, таким быть, – я выстрелил, целясь в окровавленную повязку одноглазого, а то либо демона призовет, либо зомбаков накличет.

С такого расстояния мужика аж опрокинуло, только босые пятки в воздух взметнулись. Напарники колдуна среагировали по-разному – то что покрупней, с небольшим пузиком, развернулся и поскакал в лес, а второй заорал и, замахаясь копьём, бросился на меня.

Копьём он орудовал шустро. Сначала попробовав атаковать меня с дальней дистанции, но быстро перехватил древко ближе к наконечнику, пытаясь перейти в ближний бой. Я отбивался прикладом и сам контратаковал штыком. Элегантности моему копьё, конечно, недоставало, но я брал грубой силой. Побочка ли это, адреналин, радость битвы и скорой победы, но меня распирало. Что радовало, но и злило, как раз оттого, что радовало.

Несколько блоков, уворотов и контратак, а потом пара результативных ударов и даже изолента уже не спасет приклад, но зато туземца вообще уже никто и ничего не спасет.

Я осмотрел поле боя. Четыре трупа, один тяжелораненый и один до сих пор без сознания. С белыми мордами они для меня, как китайцы, все на одно лицо, но без сознания точно тот, которого я вырубил о стойку, а с пробитым животом, парень, что пытался сунуться в кузов. Беглеца не видно, только отчетливый след прореженных зарослей.

Разговор с раненым не особо получился. Он говорил, лепетал без умолку, периодически кашляя кровью. Но что-то мне подсказывало, что в той злости и ненависти, которой он

скрипел зубами, ни один переводчик не расслышит: «твоих друзей увели на юг... два километра до большого дерева. Потом налево и обходи поселение только с севера, там часовых нет...»

Я заменил свою многострадальную винтовку на две запасных, собрал все патроны, которые нашел и еще залез под машину, чтобы достать священное оружие Али. Нашел только половину от треснувшего почти посередине крутого дерева бонгосси. И тут халтура.

Я, итак-то особо не верил в магическую силу камаджоров, хоть и надеялся, а теперь совсем расстроился. А еще больше расстроился за Али, понимая, как много она для него значит. Изолентой тут дело не решить, но, может, хоть самого Али еще найду.

Я еще раз обыскал машину в поисках оставшихся припасов. Закинулся парой местных аналогов «сникерса», убедил себя не мечтать о нормальной еде, сигаретке и чашечке крепкого кофе. А лучше вообще не мечтать, а разобраться с контролем своего тела и эмоций. И почесал в лес по следам беглеца.

* * *

Несмотря на фору, своего условного проводника я нагнал довольно быстро, но трогать не стал. Держался на расстоя-

нии, продолжая идти по следу. Рассчитывал, что он приведет меня к камаджорам. И несколько раз находил подтверждения в виде дополнительных следов на маршруте. Помимо примятой травы, порванной паутины, сломанных веток и фантиков от батончиков встречались и специально оставленные хлебные крошки от Дедушки Лу. Обрывки ткани, а иногда и просто цветные нитки, которые наш африканский хипстер отрывал от своего не по району модного прикида.

– Эти папуасы тебе за шмот-то пояснят, – я пробурчал, когда нашел очки Дедушки Лу с одним разбитым глазом.

Через пару километров заросли расступились и открылся вид на небольшую долину с первыми признаками цивилизации. Где-то километр заросшего травой поля, потом накатанная дорога, а за ней стройные ряды банановой плантации. Я насчитал почти девяносто рядов вдоль, пока не сбился, и примерно столько же поперек. И сбился я даже не на середине.

К центру плантации вела грунтовка и там был просвет, в котором едва проглядывалось несколько крыш невысоких построек. Крупный резервуар для воды, склад с металлической крышей без стен, особняк, где жили владельцы и несколько мелких построек для работников и длинное здание, похожее на теплицу.

Мой беглец как раз подбегал к дороге, оставляя после се-

бя широкий фарватер смятой травы. Забор у плантации отсутствовал, только что-то типа бордюра и то не для охраны, а формально границы очертить. Часовых я тоже не заметил, хотя несколько полуголых чернокожих женщин с белыми лицами собирали спелые бананы в большие плетеные корзины. А ближе к центру и постройкам в просвете между деревьями мелькало много черных пятен и шел легкий дымок от костра. Периодически с ветром доносились звуки очередной демонической молитвы.

Знал бы, что все будет так просто, прибил бы беглеца раньше, чтобы не настучал. Сейчас есть еще шанс достать его из «мосинки», но смысла нет. Так что будем исходить из того, что обо мне знают.

Я вернулся в лес и пошел вдоль поля, чтобы найти место, где бананы будут вплотную к лесу расти. Поглядывал на плантацию, ждал какой-то реакции и дождался. Застучали барабаны, звук песнопений усилился, а к светлому дыму примешался черный оттенок. Женщины перестали собирать урожай, побросали корзинки и скрылись где-то в районе построек. И все. В атаку толпой не ломанулись.

Либо ленивые, либо умные. Или беглец доходчиво объяснил, что у белого дяди есть огненная палка, которая изда- лека умеет убивать, и бежать через открытое поле не самая выигрышная позиция.

Я читал как-то про темные обычаи и древние обряды некоторых племен. Которые даже сейчас живут, как их пред-

ки сотни лет назад. Отвергают медицину, технику, отрезают детям половые органы, режут себя, как тот придурок с веткой в глазу. Делают губы бублики, жирафыи шеи, кошмарят животных, едят людей – только вот не во все верил. А теперь на фоне оживших мертвецов, как-то это и не странно. И единственное, что меня сейчас заботит, так это чтобы огнестрела у этих припудренных не было. А так, пусть хоть яйца себе на лбу отращивают и бананы в ушах носят.

Барабаны не унимались, становились громче, а ритм ускорился. К одинокой скрипучей колдовской проповеди присоединился гул голосов не очень психически здоровых людей. Слышалось предвкушение и экстаз, переходящий в ровное подвывание.

Я как-то в молодости подрабатывал в одном спортивном комплексе, и там главный зал арендовали сетевики с прямыми продажами. Пара тысяч человек набилась на трибуны, их с утра шампанским буханули, а потом стали бриллиантовых директоров чествовать. В зале на экране показывали, как лимузин из аэропорта героев встречает и привозит, а в зале все скандировали название компании. Вот примерно так же скандировали. А мы с мужиками ржали, потому что, как курить вышли, увидели, что лимузин аккурат за углом очередную звезду забирает, десять метров до входа перед камерой проезжает и высаживает. И по кругу за следующим.

Сказал бы мне кто тогда, что через пятнадцать лет буду в бананах прятаться и дружественных горе-колдунов спасать

от других маньяков-колдунов и все это под соусом зомби, я бы больше поверил, что сам бриллиантовой звездой стану в прямых продажах.

Но нет. Я действительно крался среди бананов. Прятался за широкими листьями и ароматными гроздьями спелых, сочных, свежайших бананов. Как те мыши, что кололись, плакали, но продолжали есть кактус, я шухерился, перебегал от дерева к дереву, озирался по сторонам, но продолжал есть бананы.

Ну, да. Бананы вкусные – девять из десяти людей так думают, я среди них. Теперь только кроме сушеных. Но эти были бесподобными. Живое местное с грядки в сравнении с тем, что приезжает к нам в магазины, это даже не резиновая женщина против настоящей, или финская сауна против русской бани...

Пока там, пока здесь – а солнце уже на другую сторону перевалило и расход энергии от побочки шел с перерасходом. Нервирует мысль, что побочка в обратную сторону качнет в самый неподходящий момент.

Или я просто голодный был. Если придется в этой стране задержаться, то буду здесь жить. Пофиг, что ЖД музей в боевую крепость оформили, не шпалы же там грызть.

Остановиться смог, только когда услышал крик Дедушки Лу:

– Коооооооо! Если ты где-то рядом и ждешь лучшего момента, то он уже настал! Скооореее!

Глава 6

Я аж бананом подавился. Вжал голову в плечи и воровато оглянулся, будто меня спалили на чем-то плохом. Выплюнул недоеденный кусок, похлопал себя по животу, встряхнулся и, уйдя в тень широких листьев, двинулся на шум.

Раскидистые деревья с толстыми гроздьями бананов отлично обеспечивали маскировку, а вот бесшумно идти не получалось все из-за этих же листьев. Отмершие коричневые и очень сухие, оттого и скрипучие они выдавали каждый шаг. А еще паутина, то с одной стороны, то с другой ветви и гроздья были затянуты белой плотной пленкой, навевая мысли о коконах с созревающим мерзким молодняком.

В принципе, я к паукам нормально отношусь, даже не убил ни одного за всю жизнь. В детстве в спичечный коробок всегда ловил залетных, бегающих по подоконнику, и в форточку вытряхивал, мол убивать примета плохая. Но те милые были, а здесь фиг поймешь, что может за шиворот свалиться.

Я забил на скрипучие листья и ускорился, с тем размахом, которым гуляли туземцы – барабаны, вой, топот и хлопки, я мог и на тракторе ехать, не услышали бы. Метров через тридцать, стало понятно, что и не увидели бы.

Первый часовой, на которого я натолкнулся, представлял из себя нечто среднее с пугалом и охранным идолом. Глиняный чурбан в человеческий рост, у которого некоторые ча-

сти тела заменили полуистлевшими завяленными запчастями от людей. На широкой ровной стойке, в которую превращались плечи, установили три человеческих черепа – один старый, пожелтевший от времени с выбитыми передними зубами, только клыки оставили, и два почти свеженьких, причем неафриканских. Черепа развернули в разные стороны и вокруг глазных провалов нарисовали большие белые круги. На глиняной груди добавили неровные геометрические фигуры, напоминающие доспехи. А образ воина-часового дополняли две костяные руки, плотно вогнанные в глиняное основание на уровне живота с коротким ржавым копьём.

Я так и не верил в местную магию, но круги вокруг глазниц сделали с каким-то эффектом. Куда бы я ни повернулся, создавалось ощущение, что черепа пялятся именно на меня. Да, ну – бред. Просто страшилка для местных, а зомби тут мало просто потому, что глушь.

– Тьфу, ты, талантливые черти, намалевали объемную картинку, – я сплюнул, задумался, а потом еще два раза плюнул через плечо и сложил пальцы крестиком, – Плюнь три раза, не моя зараза. Ни мамы, ни папы, ни сестры...

Бормоча детскую считалку, я продвинулся вперед. Откуда уже можно было разглядеть поляну, на которой происходили туземные пляски. С одной стороны хозяйский дом и сарай, с другой – полукругом построили четыре клетки из толстых

брусьев, в которых сидели пленники. В первой я разглядел оборванного и помятого Дедушку Лу – взлохмаченная седая борода потеряла весь свой хипстерский лоск, и хоть на черной коже сложно было разглядеть побои, но его точно били. Левый глаз заплыл и не открывался, а верхняя, итак, не маленькая губа, распухла, как от осинового укуса.

В следующей клетке вяло шарахались зомби. Тянули худые руки сквозь решетку, но настолько вяло, с таким отчаянием и без надежды на успех, что мне их даже жалко стало. Даже спасти их нет смысла, чтобы они помогли с колдунами разобраться, нужно будет им сначала мясо чуть ли не за ручку привести в эту клетку.

А вот в двух следующих клетках – вот оттуда гневом и жаждой крови несло так, что непонятно, почему вообще хоть кто-то живой еще на поляне есть. В первой клетке сидели мужчины и дети, а во второй женщины – но уровень злости и нетерпения ощущался примерно одинаково. От женской даже сильнее.

Тоже туземцы, но какое-то другое племя. Умыть, причесать, вернуть одежду в состояние до плена – и прям готовая обложка для номера National Geographic про экзотический туризм. В обрывках одежды некогда преобладали голубые оттенки, у всех волосы средней длины, аккуратно подстриженные под горшок и заплетенные в десятки маленьких косичек. Спиральки-макаронки напомнило, только черного цвета. На груди у некоторых видны остатки некогда массив-

ных украшений из разноцветных камушков, бусинок или ракушек. Клетки не то чтобы большие, но человек по семь – восемь в каждую набилось, и у живых, и у мертвых, кроме одиночки Дедушки Лу.

В центре поляны горел большой костер, жарящий вверх почти на метр и чадящий черным дымом, рядом с ним установили широкое, где-то метровое ложе, похожее на алтарь для жертвоприношений. И на нем кто-то лежал.

Свободное пространство вокруг костра занимали зрители с разукрашенными белыми лицами и в соломенных юбках. Стояли полукругом с противоположной стороны от клеток. Первые ряды корчились на коленях и, размахивая руками, то бились лбами о землю, то вскидывали руки под бой барабанов. Второй и третий ряд покачивался в трансе, мелькнуло несколько барабанов, но многие держали в руках оружие: копья, духовые трубки, луки.

И всем этим странным действием управляло три странных существа. Вокруг костра в эпилептическом припадке тряслось три бабайки. Снились бы мне такие в детстве, неделю потом спать бы не смог.

Бесформенное одеяние из черной соломы шло от шеи и полностью закрывало тело и опутывало плечи. На руках от локтей до аналога наших варежек рукава из черной ткани. На голове черный шлем с резной маской вместо лица. Довольно ровно вырезана гармошка, имитирующая шею, потом маленькое толстое лицо, будто сумоист тужится, щурясь глаз-

ками-бусинками. А на лбу приделали гребешок и два ряда маленьких рожек по бокам.

Самый крупный выступал в роли заводилы и выдавал основную партию заунывного злобного воя, а два помельче задавали ритм. В руках главарь держал длинный кривой нож, а его подельники тлеющие сухие ветки.

– Кооосмоос! Ты гдее? Спаси Али! – Дедушка Лу вскарабкался по прутьям и, просунув голову между прутьями, заголосил как резаный.

Фак. Но резаным был не он. Главный бабайка сделал шаг в сторону, открыв обзор на алтарь, и я разглядел связанного окровавленного Али, уже с одним глубоким порезом на лбу. Но парень был жив, пытался вырваться из веревок, хрипел и матерился совсем не по-местному. Французские слова довольно мелодично переплетались с эмоциональным русским матом.

Бабайка с ножом закричал и замахнулся для очередного удара.

Я покосился на глиняное пугало, в тени которого, стоял. Поплевал через плечо, и, чуть сместившись, поднял «мосинку» в сторону алтаря. Задержал дыхание и выцепил сквозь листву, толстую деревянную маску. Прикинул, по длине шеи, где за маской может прятаться лоб.

Все еще держа нож, занесенным над Али, колдун что-то

прокричал, дождался, когда толпа ответит ему и сделал глубокий вдох, собирая силы для удара. В этот момент я выстрелил.

Маску разнесло вдребезги, окрашенные кровью щепки брызнули во все стороны, колдуна отбросило к костру. Сухой, чем-то пропитанный тростник моментально вспыхнул. Один из помощников сунулся к колдуну, но сам начал тлеть и дымиться. Отпрыгнул, колотя себя варежками, но для него все стало только хуже. Тростник вспыхнул, колдун бросился в толпу, надеясь на помощь, но только добавил паники и неразберихи.

Барабаны не стихали, задний ряд либо вообще не понял, что происходит, либо обрадовался новому огненному шоу. Несколько туземцев из первого ряда, застыли в разных позах, прекратив кланяться, и замерли, пытаясь понять, что происходит. Активным и действенным остался только второй помощник колдуна – сориентировался и заверещал.

Громкий голос почти перекричал барабаны, но в мои планы это не входило. Бабайка повернулся ко мне спиной, начал махать руками, что-то втолковывая толпе. И заткнулся на полуслове, рухнув на землю с простреленным затылком.

– Коооосмоосс! Открой макуто! – закричал Дедушка Лу, от натуги переходя на визг.

Кого? Чего? Ничего не понял, но методом исключения ре-

шил, что речь идет о племени в голубом. Сместился в сторону, пошел по диагонали, стараясь, чтобы меня не заметили с поляны. Где уже все разобрались, что что-то пошло не так. Барабаны смолкли, крики трансирующих обдолбышей сменились на резкое, четкое гарканье команд и воинствующие уханья.

Я еще трижды выстрелил, перебегая от дерева к дереву и выцеливая либо самых крикливых, либо тех, кто пытался подбежать к связанному Али.

Постепенно туземцы смогли организовать, часть бросилась в банановую рощу в поисках обидчика, но не понимая наверняка, где я нахожусь. А вторая все еще кучковалась у костра, перестроившись к бою. Женщин и детей – там фиг разберешь, но тех, кто пониже и потолще, оттеснили назад и пытались спрятать за спинами и щитами.

Я закинул пустую винтовку за спину и взял вторую. Пять выстрелов у меня еще есть, а дальше придется в штыковую. Заметили меня в момент, когда я уже крался мимо клеток. Войны Макуто, что женщины, что мужчины притихли, смотрели на меня настороженно, но, когда Дедушка Лу крикнул что-то на местном наречии, взорвались приветственным воплем. А потом стали орать на беломордых, хватать сквозь прутья тех, кто бросился в мою сторону и с большим размахом трясти прутья клетки.

На пути у меня появилось трое – белые маски, короткие тростниковые юбки, в руках короткие копья, за спиной еще

двое с духовыми трубками. Я пальнул в дальнего, уже надувшего щеки, и бросился по прутьям, как по лестнице, наверх клетки.

Перекатился по крыше и навис над замком, прицелился, краем глаза отметил дротики, летевшие мне в голову. Увернулся, балансируя на прутьях. Снизу аборигены поняли, что я хочу сделать и, не боясь, что попаду кому-нибудь по пальцам, развернули замок так, чтобы тот слетел уж наверняка. Остальные замерли, чтобы не расшатывать клетку, и я выстрелил. Попал ровно по платформе, в которую пряталась дужка.

Почти одновременно, сорванный замок еще не успел долететь до земли, ворота распахнулись и оттуда вылетело черно-голубое облако злых воинов. С боевым кличем полуголые мужики бросились на толпу беломордых. И те дрогнули несмотря на пятикратное превосходство в численности.

– Космос! Женщин открой! – орал Дедушка Лу, – у Макуто женщины воюют!

Я еще не отошел от напора, с которым мужики и даже дети ломанулись в бой, а тут, оказывается, что всего лишь домохозяек выпустил. Я прыгнул на соседнюю клетку и повторил процедуру. Шуганул только двух пацанов, уже ковырявших замок ржавым копьём, и снова без промаха сбил замок.

Честно, залюбовался. Знал бы на что обращать внимание,

может, сразу бы понял, кто тут колдунов гонять будет. Подкаченные, поджарые женщины – рельефные бицепсы, высокие икры и попы, как упругие персики. Эх, бывшая бы убила бы за рецепт местного фитнеса. Фигурально, конечно. А вот эти убивали по-настоящему.

Будто и не сидели в клетке, столько энергии и злости, я мог объяснить только многовековой враждой между племенами. Я помог парочке безоружных женщин, с крыши расстреляв двух здоровых туземцев, чтобы они поделились копьями и щитами с дамами.

А сам побежал по крышам забирать Дедушку Лу. На клетке с зомбаками поскользнулся и провалился ногой внутрь. Потоптал чью-то гнилую лысину, матюкнулся, но успел выскочить, пока ошарашенные зомби додумались меня схватить.

В третий раз прострелил замок и выпустил Дедушку Лу. Не слезая с клетки, оценил картину боя. Соломенным юбкам неплохо досталось, но численное преимущество – это всегда численное преимущество, особенно когда в голых руках нет ни то, что автомата, а даже ржавой палки.

Макуто и женщины, и мужчины бились мастерски и разменивались один к трем, а то и к пяти. Но было ясно, что шансов у них нет – беломордых на ногах было еще несколько десятков. Ну хоть детей спасли, спрятавшихся в бананах, и от меня отвлекли внимание.

Я помогал. В меру скорости перезарядки «мосинки», при-

крявал Дедушку Лу, пока он отвязывал раненого Али.

– Как он? – я крикнул Дедушке Лу, параллельно подстрелив туземца, нависшего над раненой девушкой из Макуто.

– Жить будет, но надо перевязать, – Дедушка Лу с кряхтением взвалил Али на плечо, – Давай в дом. Там должно быть свободно. Это психи из общины Поро, они в домах не живут.

В дом, так в дом. Я опять пошел по клеткам, уворачиваясь или отбиваясь прикладом от стрел и дротиков. Эффект от побочки снизился, но до обычного состояния было еще далеко. Рефлексы на взводе, но контроль идеальный. Ничего лишнего ни в движениях, ни в эмоциях – скупое, четко, по делу. И, главное, результативно.

Я стрелял по тем, кто пытался преградить дорогу Дедушке Лу и примкнувшим к нему двум женщинам Макуто. А когда клетки закончились, я спрыгнул на землю, и понесся за нашими, чередуя выстрелы, махи прикладом и штыком.

Хозяйский дом внушал – двухэтажный особняк в колониальном стиле либо реально древний, либо у владельцев был бзик чувствовать себя настоящими плантаторами. Дом построили из дерева и когда-то давно покрасили в белый цвет, только ставни на окнах в зеленый, давно выцветший и потрескавшийся на солнце. Колонны на первом этаже переходили в длинный балкон, опоясывающий дом по периметру.

Мы вихрем пронеслись до входной двери. Первыми шли

женщины Макуто, формируя двухметровую зону отчуждения – там вертолет со своими лопастями позавидует той скорости и мясорубке, которую они устраивали копьями. Потом запыхавшийся Лу с Али на плечах. Замыкал я вместе с еще одним мужиком из Макуто, лоснящимся от пота и текущий из нескольких порезов крови.

Сил у него уже почти не было. Полуслепые взмахи длинным мачете, большая часть из которых в меня летела и мешала целиться.

Сбив настрой преследователям, оттеснили их. Лучше всего работала «мосинка», причем не в моменты выстрелов, а когда я тряс ей над головой и орал что-то про огненную палку и гнев небес, подкрепляя их великим и могучим русским. Не спугнул, но как минимум, заставил задуматься – перегруппироваться, прятаться за щитами и наступать аккуратней. Несколько человек схватились за луки, а мы застряли на крыльце, толпясь перед закрытой дверью.

– Ломай ее, ломай ее полностью! – я поменял винтовки и, считая патроны, стал стрелять прямо в плетеные щиты, над которыми мелькали луки.

Послышался треск выбитой двери. Мимо меня протащили упавшего без сил мужика Макуто. Возможно, даже зря – из спины у него торчало два дротика и одна стрела. Черт, как же не хватает “калаша” или хотя бы пистолета. Как ни

старался, каким бы результативным ни был, все равно не мог справиться со всеми.

В нас выпустили очередной залп, одновременно с тем, как я дострелил пятый патрон. Все. Теперь пустой в обеих винтовках. А поддать огня огненным палкам, мне уже не дадут. Внутренний визор отметил сразу четыре стрелы, и за ними следующий залп. Медленно, для моего текущего состояния, стрелы с ярким оперением по дуге летели в сторону крыльца. Как ни просчитывай траекторию, как ни танцуй хоть одна, но достанет.

Я развернулся и, сорвавшись с места, прыгнул в коридор. Острая боль прострелила левое плечо, вспышкой отдалась перед глазами и сбила мне траекторию полета. А тупой гулкой удар по спине придал скорости. Послышался треск приклада «мосинки». Я рухнул вглубь коридора, проехавшись раненым плечом по прохладным гладким доскам. Еще одна вспышка боли от сломанной стрелы, застрявшей в руке. Плечо начало неметь, а в глазах потемнело – свет уходил будто слоями, постепенно затеняя взор.

Я поднялся и на четвереньках пополз от двери. Выругался, а потом рассмеялся, поняв, что стрела засела в прикладе, а темнота вызвана скрипнувшими, закрытыми дверьми. Чьи-то сильные руки подхватили меня и потащили куда-то вглубь и вверх здания, прополоскав по жестким ребрам ступеней.

Глава 7

Я не успел возмутиться, как меня бросили на жесткий пол, а обзор заслонили две упругие чернокожие задницы. Полюбоваться на природные прелести женщин Макуто мне не дали, за спиной закричал Дедушка Лу.

– Космос, поднимайся, ленивая ты жопа, – Дедушка Лу задышался, но истерики в голосе не чувствовалось, – Они сейчас со всех сторон попрут!

Я бегло осмотрелся – коридор второго этажа, деревянный пол, на котором лежит Али и над ним уже колдует (в медицинском смысле этого слова) Дедушка Лу. Рвет на лоскуты свою модную футболку и пытается сделать перевязку. По сторонам тянутся светлые стены с обоями в какой-то луговой цветочек, несколько дверей, в торце здания большое окно с распахнутыми ставнями.

Передо мной лестничный проем, перекрытый локальным аналогом воинственных амазонок. В просвете между черных ног мелькают белые морды воинов из общины Поро, или как там их назвал Лу. Грозят копьями, но лезть вперед опасаются. Нашего шестого подранка не вижу, похоже, не дожил до второго этажа.

Шум, гам и жуткая вонь разлагающихся тел. Тянет из-за

ближайшей двери. Я отполз к стене и заглянул в дверной проем. Если жить колдунское племя в домах отказывалось, то алтарь и склад им это не помешало устроить. Заметил небольшой столик с резными идолами – два бревнышка с черной соломкой по стилю очень похожих на шлемы колдунов. Вокруг алтаря полукругом положили тела хозяев дома или залетных туристов.

Светлая кожа и еще более светлые волосы, явно что-то скандинавское. Два мужчины, три женщины и два совсем маленьких тела – всех обезглавили, рабочие комбинезоны и цветастые платья порвали и залили кровью. Черные жирные мухи мутным облаком жужжали с такой громкостью, что, даже через ор на лестнице, казалось, что к нам вертолет подлетает.

Дедушка Лу заметил, куда я смотрю. Перекрестился каким-то своим охранным жестом и прикрыл дверь, а потом пнул ко мне винтовку Мосина, валяющуюся на полу.

Левая рука слушаться не захотела. Я покосился на плечо, разглядывая застрявшую сломанную стрелу. И засела-то неглубоко, но жжется, и на краях раны выступили ярко-зеленые капельки. Я потянулся, чтобы выдернуть наконечник, но Дедушка Лу зашипел на меня и замахал руками, отрывая новый лоскут от некогда модной и белой футболки.

Ладно, подождем. Был бы яд, то скорее всего, уже подействовал бы. Голова потяжелела, потел сильно, в животе от голода резало, поясница ныла от встречи с лестницей, но в

остальном я посчитал себя в норме. Подтянул «мосинку», уложил к себе на колени и стал заряжать одной рукой.

Язык высунул, периодически смахивая пот со лба, так сосредоточился, выронив мимо первых два патрона, что не обратил внимания на Дедушку Лу, начавшего что-то колдовать над моим плечом.

Старик привлек мое внимание и впихнул в рот какую-то щепку. Убедился, что я понимаю, что он хочет, похлопал меня по плечу и как только я стиснул зубы, резко дернул наконечник.

Меня как током ударило.

Моментально пропал голод и боль в спине. Мир потерял краски, делая черно-белым не только противостояние «амазонок» с прихвостнями колдунов, но и уведя в монохром веселенькие цветочки на обоях и голубое небо за окном. Ощущение, будто все органы, как люминесцентные лампы на подземной парковке, прошли через стадию выключить – включить. Стоило мысленно пробежаться по телу, попадая в зону действия датчика движения, так слышалось внутреннее «чек, чек, чек».

А уставился на острый и, слава местным демонам, гладкий наконечник с каплями крови и зеленого яда. Посмотрел на рану и ухмыльнулся. Нет, конечно, регенерация, как у Россомахи не включилась. Мясо с кожей не начали срастаться, но вот капельки яда уже стекали на пол, будто что-то выжимало их изнутри.

К пальцам стала возвращаться чувствительность, недостаточно, чтобы показать дулю или средний палец в сторону нападавших, но вполне, чтобы помочь себе с зарядкой винтовки.

И вовремя. Амазонки отскочили с прохода, встав по бокам от лестницы, а мимо пролетело несколько стрел, с треском воткнувшихся в стену. Оперение еще дрожало, а в проход уже полезли белые напудренные морды. Я выстрелил в ближайшего, попал в шею, чувствуя, что зрению вернули цвет. Как тяжелые темно-рубиновые капли крови брызгами легли на белые маски его подельников. Амазонки добавили красного, резкими короткими движениями коля копьями первых, забравшихся на второй этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.